

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

ПЛАТА ЗА РОЛЬ ДЖУЛЬЕТТЫ

Что ты готова отдать за завтрашнюю главную роль?

Анна Данилова
Плата за роль Джульетты
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23567414
Данилова, Анна Васильевна. Плата за роль Джульетты : [роман]:
Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-94144-5

Аннотация

Жизнь пускает нас в странствие по минному полю: от предательства – к триумфу, от разочарования – к наслаждению. Но с самыми одаренными она обходится особенно жестоко, требуя плату за талант. Нине, лучшей, несравненной исполнительнице партии Джульетты, предложен выбор: жизнь – в обмен на молчание, незапятнанное имя любимого – вместо мировой славы, контрактов и цветов. Но неужели она сможет остаться собой, поддавшись соблазну? И зазвучит ее Джульетта так же чисто, как раньше, после обмана и преступления?..

Содержание

1	5
2	18
3	26
4	41
6	63
7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анна Данилова

Плата за роль Джульетты

© Дубчак А.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

1

– ...и тогда он пошел на стон. Было темно, до кладбища еще надо было как-то добраться. Но он все шел, шел на женский голос. Потом ему почудилось, что он слышит еще один голос, тонкий, детский.

Мы сидели с Анфисой в темной комнате, за окном лил ледяной осенний дождь, и шум его, стоны деревьев под мокрым и сильным ночным ветром заставляли меня дрожать, вызывали какие-то неясные страхи.

– Анфиса, прошу тебя, не надо.

– Он подошел к воротам кладбища, сделал несколько шагов, голоса стали совсем близкими. Луна была полной. Светила так, что видны были все могилы...

– Анфиса! Прекрати уже, сейчас включу свет!

– Он подошел к совсем свежей могиле, заваленной цветами, и догадался, что голоса доносятся из-под земли. Он и сам не понял, как принялся разбрасывать цветы, венки и руками, ногтями принялся разрывать землю...

– Анфиса!

– Ты снова мне не веришь, между тем это было здесь, буквально три года тому назад, на нашем кладбище! Женщина беременная умерла, ее похоронили, а потом оказалось, что она жива и что родила прямо в гробу...

– Брррр...

– Если ты мне не веришь, можешь спросить кого угодно. Здесь все знают эту историю. И женщина эта жива и здорова, и девочка ее жива, похожа на ангелочка. Их фамилия Макаровы.

Я включила свет. И в кухне сразу стало уютно, несмотря на убогую обстановку. Чай в чашках остыл.

– Анфиса, где ты берешь эти свои истории?

– Из жизни, Милочка.

Анфисе было двадцать пять, это была худенькая, с карими глазами девушка. Вроде бы современная, дружила с интернетом, зарабатывала, работая долгими часами за компьютером и составляя какие-то таблицы, делая расчеты, но все равно, было в ней что-то странное, необъяснимое, словно она по ошибке родилась в наше время и теперь пытается как-то приспособиться и делает вид, что ей здесь, среди нас, комфортно. И джинсы носит с майками, и волосы свои густые, кудрявые, недавно подстригла, но все равно лицо у нее – как икона, и разговор мягкий, с картавинкой, интересный. И когда рассказывает свои страшные истории, мороз по коже пробегает, и кажется, что все-все, о чем она рассказывает, – чистая правда.

Она не знала еще, какая история ужасов имелаась и у меня в запасе – не то, что мурашки, волосы встали бы дыбом. Вот только рассказать я ее не могу. Никогда и никому.

Не знает моя соседка Анфиса, что живу я чужой жизнью,

что имя себе придумала, да и историю жизни простую, как вязанка дров, сочинила. Подстроила под обстоятельства. Если бы кто сказал мне в свое время, что судьба закинет меня в глухую деревню под названием Синее Болото, что в К-ской области, я подумала бы, что человек этот либо сумасшедший, либо его послали ко мне специально для того, чтобы испортить настроение, разозлить меня перед выступлением. Хотя вряд ли кому это удалось бы – я всегда считала себя девушкой сильной, как физически, так и психически, и никогда не обращала внимания на жалкие потуги моих врагов вывести меня из равновесия. Да и враги ли это были? Так, человеческая шелуха, мусор.

Кто бы мог подумать, что среди них найдется злодей, пустивший весь свой талант на мое убийство.

Убить человека можно разными способами. Один из них – физический. Меня же убили по-другому. Более изощренно. Нашли способ вырвать меня из моего мира, разлучить с близкими людьми, заставили исчезнуть, практически умереть.

Думаю, мне тоже надо было родиться пару веков тому назад. И уж точно не сейчас, не в наше сумасшедшее время, когда интернет может за пару часов сделать тебя звездой или втоптать в грязь. Какой-нибудь грязный ролик, появившийся на популярном видеосайте, может вывести на чистую воду негодяев, но может и, наоборот, вырванный из контекста,

сделать честного человека посмешищем в глазах окружающих, сломать его карьеру, выпачкать биографию.

– Ты, тварь, должна заплатить мне миллион евро, чтобы этот ролик не попал в сеть, – сказала мне прокуренным, осипшим голосом женщина в маске, сидящая на краешке постели.

Простыни были белые, новые, жесткие и пахли мылом. Подумалось сразу, что их купили специально для меня. Из уважения. Из уважения собирались и убивать. Будь я никто, стал бы кто со мной возиться? Те, кто придумал этот план, знали, что у меня нет такой суммы. Да если бы она и была, какой нормальный человек поверил бы этой дьяволице, что она сдержит свое слово? Где гарантия, что ролик, о котором она говорила, не попадет в сеть сразу же после того, как ей заплатят эту колоссальную сумму? Возможно, в тот момент, когда мы с ней говорили, миллионы моих поклонников уже разглядывали не спеша, прокручивая раз за разом и не веря своим глазам, это чудовищное видео, этот микрофильм, каждым своим кадром расстреливавший мою личность, мою карьеру, мою любовь.

Зависть человеческая, жестокость не знает границ.

Я находилась где-то за городом. В большом богатом доме, где за окнами шумел мокрой листвой большой сад, который я могла видеть, не поднимаясь с постели. Прозрачные французские окна создавали иллюзию нахождения в этом саду, и если бы не ужас, в котором я варилась, захлебываясь от

страха, я, скорее всего, была бы счастлива находиться здесь. Хозяин дома либо сам обладал хорошим вкусом, либо ему повезло с дизайнером. Все было оформлено в стиле старинных английских домов.

Я не могла не вспомнить, как на одном из приемов я сказала своим друзьям, что собираюсь купить особняк и что приглядываю дизайнера, который превратил бы мое жилище в старинный английский дом. Меня еще спросили, где именно я собираюсь купить дом, в Подмоскovie или в Англии? Помнится, я рассмеялась тогда и сказала, что мне надо еще подумать. На самом деле мне надо было подкопить денег, чтобы исполнить эту мою мечту. На тот момент я обладала скромной квартирой в Газетном переулке и дачей в Лопухине. Конечно, это было более чем скромно, учитывая мое положение, но у меня, вернее, у нас, были планы. Большие, дерзкие, грандиозные планы.

Я смотрела на эту гнусную тварь, вымогавшую у меня деньги, и понимала, что все, что она делает и говорит, исходит не от нее, а от человека, являющегося моим врагом. Перед моим внутренним взором выстроилась очередь из хохочущих соперниц, лица которых были мне хорошо знакомы. Это была как бы сцена бала, и все эти молодые женщины были разряжены в пышные платья, на головах их были затейливые прически с локонами, они, глядя мне в глаза, нервно обмахивались роскошными веерами, страусиные перья кото-

рых были почему-то перепачканы помадой. Откуда взялась эта картинка? Разве это можно знать? Мы никогда не знаем точно, какие миры существуют в нашей голове, в потайных уголках нашего сознания. И только сны изредка показывают нам эти картины, заставляют иногда пережить многое из того, что нам еще только предстоит пережить или же то, что мы переживали в своих других жизнях.

В любом случае эта женщина с прокуренным голосом была отвратительна. Она была насквозь цинична, испорчена, она была настоящим дьяволом без лица. Не зря же ее лицо скрывала сиреневая с серебром венецианская маска, очень красивая. Должно быть, под маской скрывалось лицо самого зла.

– А что, если ты мне все лжешь? – спросила я, чувствуя, как мой рот перестает слушаться меня, как скулы сводит судорогой. Степень нервного напряжения была так высока, что я была близка к тому, чтобы снова провалиться в бессознание.

– Мы сменили тебе уже три простыни. – Она, не поворачивая головы, кивнула куда-то в сторону, и я к своему ужасу увидела за розовым бархатным креслом сваленную на полу кучу окровавленных белых простыней.

– Хорошо, я найду деньги. Сколько у меня на это времени? Дайте хотя бы неделю!

– Сутки.

– Но это невозможно. Мне придется обратиться к своим друзьям. Не так-то просто изъять деньги из бизнеса, банка, я не знаю...

Я чувствовала, что теряю силы. Перед моим лицом уже маячили две сиреневые маски, дьяволица раздваивалась.

– Но гарантии... – Я едва говорила, и голос мой звучал где-то в глубине моего тела.

– Да о каких гарантиях ты говоришь? Тебе ли в твоём положении чего-то требовать?

– Что я вам сделала?

– Не дави на жалость, я этого не люблю. Свою порцию счастья, невероятного, огромного, ты уже получила. Ты пожила, ты сполна получила наслаждения, признания. Природа наградила тебя щедро, как никого. Хватит.

Я оглянулась. Солнечный свет, заливавший спальню, казался зеленоватым от листвы деревьев за окнами, белые стены были расписаны розами и глициниями. Мне показалось, что где-то я уже видела эту роспись, эти розы. Но в этой спальне я ни разу не была, конечно. Но роскошь, окружавшая меня, просто подавляла. Кто, кто стоит за этим злодейством? Не какая-нибудь завистливая марамойка, безголосая курица, нет. Крупная фигура. Мужчина, выполнивший желание своей любовницы, женщины неординарной, находящейся в близком мне круге. Но кто? Кто? Кто она, эта женщина? Миллион евро. Да не нужны им мои деньги. Одна

спальня обошлась хозяевам в этот самый миллион. Им нужно другое. Сломать меня. Уничтожить. Сделать так, чтобы смерть стала избавлением от невыносимой душевной боли.

– Почему я не помню ничего?

– Хочешь освежить в памяти? – И эта тварь повернулась, чтобы взять с ночного столика ноутбук, при помощи которого несколько минут тому назад демонстрировала мне фильм.

– Нет, прошу тебя... Не надо, умоляю, – рот мой говорил сам, словно без моего участия, помогая моему сознанию. И это было очень странное ощущение.

– Не помнит она. Когда-нибудь все вспомнишь и пожалеешь об этом!..

– Кто они, кто эти?..

– А тебе не все равно?

– Я могу уйти?

– Конечно! Вот прямо сейчас и отправляйся!

– Как я смогу передать деньги?

– Мы тебя найдем. Личность ты известная. Международного, так сказать, масштаба. Ровно через сутки жди звонка.

– Но у меня нет телефона.

– Ты найдешь его на своей квартире.

– Как долго меня не было дома?

– Неделю.

– Меня ищут?

– Не знаю. Должно быть. Меня это не...

Она была груба так, как может быть груба женщина, жизнь которой была полна мерзости.

Она могла обманывать меня во многом, кроме одного: все то, что произошло со мной за эту неделю, было правдой. Об этом мне говорило мое истерзанное тело, разбавленная отравой кровь, кровотечение, отсутствие памяти. Ну и фильм, конечно. Я собственными глазами видела себя, крупным планом...

И самое страшное заключалось в том, что как бы быстро ни достала я деньги, со мной было все кончено. Мне оставалось только одно – спастись физически. И поскольку мне позволено было покинуть место моего мучения и заточения, я должна была бежать оттуда как можно быстрее.

На мне была ночная сорочка, рядом на одеяле лежал шелковый халат. В этом далеко не уйдешь.

– Я принесу тебе сейчас одежду, – сказала «маска» и ушла.

Я оглянулась. В какой-то момент почувствовала себя обреченной, как перед расстрелом. Что может желать человек перед смертью, понимая, что часы, минуты его сочтены? Когда нет возможности обнять любимого человека, прижать к груди родителей, попрощаться с друзьями? Конечно, я желала смерти своим мучителям.

«Маска» вернулась довольно быстро. Мне принесли джинсы, черный теплый свитер и кроссовки. И сто долларов, должно быть, столько, чтобы хватило добраться до дома.

– Там деньги. На полу, – сказала я, действуя, как во сне и безошибочно полагая, что именно эта фраза станет действенной. «Маска» нагнулась, и когда ее лицо приблизилось к полу, я с силой обрушила на ее затылок тяжелый серебряный канделябр. Раздался глухой стук, женщина упала на ковер, подмяв под себя руку. Я не помню, сколько еще я нанесла ей ударов по голове. Вероятно, в тот момент во мне проснулись самые мои низменные и звериные чувства. Брызги крови тонули в густом ворсе белого ковра и казались узорами, к примеру, лепестками красных маков... Мягкий ковер приглушал и звуки.

Я устало опустила окровавленный канделябр на пол и посмотрела на свои руки. Они тряслись. Внутри меня громко ухало сердце.

Пощупав залитую кровью шею своей мучительницы, я, далекий от медицины человек, как-то определила, что она мертва. Я убила ее.

На подкашивающихся ногах я добралась до вороха окровавленных простыней, тех самых, которые вынули в свое время из-под меня, прикрыла ими тело женщины и с трудом закатила труп под кровать. Туда же, в жуткую темноту сунула и липкий от крови, однако протертый мною подсвечник.

«Вероятно, в доме есть еще кто-то», – подумала я, но уже без особого страха.

Кто-то очень смелый внутри меня посоветовал мне снова достать труп и снять с лица женщины маску, чтобы увидеть

свою мучительницу. Как я пожалела потом, что не сделала это сразу же, когда только поняла, что женщина мертва! Но мне в тот момент хотелось как раз обратного – не видеть ее. К тому же я точно знала, что она мне не знакома. Ну нет в моем окружении женщины такого сорта, да еще и с таким голосом. Меня же окружали только сладкоголосые птицы.

Не знаю, как я добралась до окна. И кто это придумал делать такую большую спальню? Как стадион! Или же мне это только показалось?

Внизу, под окнами, стояла машина. Красный «Фольксваген». И все. Больше машин не было.

Я распахнула окно и вышла на широкую, украшенную кованым кружевом террасу. Шумела листва, пели птицы, пахло сладковато осенью, свежестью, яблоками...

Слезы капали на перила балкона, мои слезы. Что теперь со мной будет? Если внизу, на первом этаже, охрана, то меня схватят, разорвут на части. С другой стороны, зачем им меня убивать, если с меня можно поиметь деньги?

Мысли путались.

Я вернулась в комнату, осмотрелась. Нет, труп все-таки надо достать. В кармане джинсов «маски» могут быть ключи от машины. Кроме того, там могли быть и деньги, телефон.

Я опустилась на колени, изо всех сил потянула на себя простыню, в которую был замотан труп. Это было очень тяжело. Больше всего я боялась, что женщина все же жива, что

она застонет, а потом и вовсе сама поднимется с пола. Но вытащив ее на свет и увидев, что простыня в области ее головы стала мокрой от крови, я поняла, что даже, если она и не мертва, то находится без сознания.

Маску я так и не сняла. Не осмелилась взглянуть в лицо самой смерти. Это было выше моих сил. А вот по карманам пошарила. Сигареты, телефон, портмоне, набитое деньгами, ключи от машины, три пакетика с белым порошком – это было целое богатство!

Я вышла из дома через заднюю дверь, ведущую во внутренний двор, где мирно сушились постельное белье и полотенца, где рядком стояли горшки с геранями и олеандрами, словно в любой момент где-то поблизости может оказаться и настоящая хозяйка дома. Но я никого не встретила. Натянув на лицо до самых глаз воротник черного свитера, пытаюсь скрыть лицо, я двинулась к машине. Похоже, меня действительно никто не охранял. Да и зачем охранять недочеловека? Со мной и так все было кончено. И тот, кто все это придумал, знал, что в Москву я не вернусь. Что никому и никогда не расскажу, где находится дом моих мучителей. Что я не просто не вернусь, я не объявлюсь и никому не дам о себе знать. Потому что стоит мне только появиться дома ли, в театре, не важно, где меня знают, как об этом узнает вся Москва. Москва, которая уже сейчас наверняка смакует это видео, и весь интернет полон убийственными кадрами. Говорю же, со мной все кончено.

Но тогда кто же, кто моим сорванным голосом, моей душой тогда пел внутри меня эти нежные строки, наполнявшие все пространство вокруг меня и одновременно сливаясь с тишиной и толкая меня в пропасть:

Ah! Je veux vivre
dans ce rкve qui m'enivre
ce jour encor!
Douce flamme,
je te garde dans mon vme
comme un trйsor!
Je veux vivre...¹

---

¹ Слова из арии Джульетты из оперы Гуно «Ромео и Джульетта».

– Это слишком громкое дело, чтобы я занимался им, – сказал я, в душе считая, конечно, иначе. Вряд ли эту оперную диву разыщут живой. Скорее всего, это было похищение с целью выкупа, да только у этих горе-похитителей что-то там пошло не так. Возможно, они убили девушку, случайно, и вся операция сорвалась.

Передо мной сидел ее друг, возлюбленный, жених, не знаю, кем он ей приходился точно, но то, что они жили врозь, было очевидным. Его звали Борис Равенков.

Он положил на мой стол все, что, на его взгляд, могло бы мне помочь в розыске своей невесты: список адресов семейств, где Нину Бретт хорошо знали и любили, копии ее паспортов (внутреннего и заграничного), где указана адресная регистрация, даже адрес ее дачи в Лопухине. Ну и фотографии, конечно, с которых на меня смотрела стройная красивая девушка, брюнетка с синими глазами и чудесной белозубой улыбкой. Очень молода для оперной певицы с солидными контрактами. Метрополитен-опера, Ла Фениче, Монте-Карло.

– Через месяц она должна была петь Мими в оперном театре «Колон» в Буэнос-Айресе. После этого она планировала немного отдохнуть, а потом приступить к репетициям «Снегурочки».

– Сколько дней прошло, как ее нет? И при каких обстоятельствах она пропала?

– Я не видел ее всего два дня. Мы расстались в субботу, одиннадцатого сентября, она сказала, что устала, она только что вернулась из Питера, где проходили съемки ее рекламного клипа. Сказала, что ей надо отоспаться. Я сам лично отвез ее домой в Газетный, она при мне вошла в квартиру и заперлась. Я всегда провожаю ее до квартиры, это мое правило.

Он сидел передо мной, бледный напуганный мужчина лет сорока, с интеллигентной внешностью, хорошими манерами и тихим голосом. Темно-каштановые волосы с едва заметной сединой, темные глаза, слегка вытянутое красивое лицо с гладкой кожей. Он был красив и скромен, этот возлюбленный Нины Бретт.

– Постойте, вы говорите, что не видели и не слышали ее всего-то два дня. Так, может, вы напрасно бьете тревогу?

Я вдруг поймал себя на том, что его тихая паника коснулась и меня. Два дня! Да мало ли куда она могла отправиться? Может, к подруге, а может, к любовнику, о котором господин Равенков ничего не знал.

– Ефим Борисович, я понимаю, что двое суток для людей посторонних, не знакомых с Ниной, ничтожный срок, и вам в голову приходят различные версии ее отсутствия, никак не связанные с криминалом. Вы можете подумать, что она,

грубо говоря, загуляла, куда-то уехала, где не работает телефон, что она у подруги и тому подобное. Но Нина не такая. Она человек в высшей степени организованный, понимаете? К тому же она прекрасно понимает, что я ее ищу, что переживаю. Мы с ней не ссорились, мы близкие люди, заботящиеся друг о друге, она никогда бы не позволила себе доставить мне так много переживаний. К тому же она же не простой человек, она невероятно талантливая оперная певица, исчезновение которой может повлечь за собой определенно-го рода последствия...

Меня зовут Ефим Борисович Костров. Я бывший следователь, открывший много лет тому назад одно из первых частных детективных агентств. Это раньше мой сайт можно было без труда найти в интернете, интригуя потенциальных клиентов услугами разного рода («Выявление супружеской неверности», «Поиск людей», «Контрнаблюдение» и тому подобное). Сейчас же, когда у меня было имя и моя клиентская база насчитывала больше ста человек, причем все эти люди считали себя обязанными мне и благодарными за все те услуги, что я им оказывал и за которыми они никогда бы не обратились к кому-то другому, и продолжавшие время от времени обращаться ко мне за помощью, я закрыл свой сайт. Отказался я и от офиса и принимал клиентов, которых у меня было предостаточно, на дому, выкупив квартиру по соседству с моей и прорубив между ними дверь. Я не видел

смысла держать офис, поскольку не желал, чтобы между моим рабочим местом и моим домашним диваном было хоть какое-то расстояние. Кто знал меня, звонили, приходили ко мне домой, и мне достаточно было сделать пару шагов, чтобы из моей уютной квартиры перейти в маленький кабинет и встретить очередного клиента. Там же я работал и со своими многочисленными, нигде не засвеченными помощниками, большинство из которых являлись официальными представителями правоохранительных органов, профессиональными, действующими экспертами, баллистами, химиками, медиками и компьютерщиками.

Я не женат, но имею дочь Геру. Моя жена, бросившая меня ровно двадцать пять лет тому назад, сразу после родов сбежав со своим любовником, как в воду канула. Пожалуй, она была единственным человеком, которого я мог бы найти при желании, да только желания такого ни у меня, ни у Геры до сих пор не возникало.

Воспитывать маленькую дочь мне помогала нанятая мною женщина – няня Лена. Одинокая, добрая, она всем сердцем полюбила Геру и стала ей вместо матери. Мое же сердце в мои пятьдесят оставалось не занятым, но и впускать туда кого попало оно тоже не было готово. Лена, несмотря на то что была моложе меня на десять лет, и внешне была очень даже ничего (русоголовая, белотелая, стройная, нежная), не стала даже моей любовницей. Быть может даже, она была влюблена в меня, однако я старался этого не замечать, предпочитая

оставаться свободным.

Мы жили все вместе, однако у каждого была своя территория. Лена занимала дальнюю комнату, рядом с кладовкой, подозреваю, что раньше, во время царских генералов или чиновников, эта комната отводилась прислуге. Гера жила в просторной комнате, прежде являвшейся супружеской спальней, и ее окна с длинным балконом выходили на тихий двор, засаженный старинными липами. Я занимал гостиную, где стоял удобный мягкий диван, на котором я часто отдыхал, глядя телевизор и попивая пиво. Спал же я в маленькой спальне, рядом с кухней, откуда часто мог наблюдать, как наша Лена, на которой лежало все хозяйство, готовит нам еду, накрывает на стол.

Наш быт был устроен, мы отлично понимали и любили друг друга, а потому я мог спокойно заниматься своими делами.

Гера работала помощником нотариуса, их контора находилась в центре Москвы, в Столешниковом переулке, но по возможности помогала мне. Ее жених, Саша Сержантов, бывший опер, был моей правой рукой.

Визит господина Равенкова был предварительно оговорен по телефону – он пришел по рекомендации одного из моих клиентов, известного дирижера.

– Фима, к тебе придет один мой человечек, Боря Равенков, он близкий друг Нины Бретт. Возможно, ты слышал когда-нибудь это имя. Это оперная певица, чрезвычайно та-

лантливая, она настоящее сокровище, и ее надо найти. Она куда-то запропастилась. Помоги.

Я долго разговаривал с Борисом, мне важно было понять, кто окружал Нину, чтобы разобраться, были ли у нее завистники, враги. Конечно, были, кто бы сомневался! Все те, кто не получил в свое время главных партий, кто остался в тени нарастающей славы Нины, кто завидовал тайно или явно. Все они могли приложить руку к исчезновению Нины. Могли ее напоить кислотой, покалечить, изуродовать. Вот такие мысли посетили меня во время разговора с Равенковым.

– А вы кто? Тоже музыкант?

– Я был пианистом, мне руки перебили. Ночью напали какие-то отморозки. Арматурой. Подвижность пальцам не удалось вернуть. Так до сих пор и не нашли, кто это сделал, кто заказал этих уродов. И с тех пор я простой настройщик. Ну и еще даю уроки молодым пианистам, – сказал он тихо, и от его растревоженного печалью тембра меня проняло до самого сердца. Подумалось, как же много ему пришлось страдать.

– А где с Ниной познакомились?

– В кафе, рядом с консерваторией. Она сидела за соседним столиком, пила чай и ела пирожные. Шарф с шеи размотала, положила на стул рядом, а потом, когда они с подружкой ушли, шарф так и остался лежать на стуле. Я догнал ее, вернул шарф. Она улыбнулась мне. А потом мы с ней встретились в консерватории... Познакомились. Мы вместе уже пять лет.

Я расспрашивал его о клипе, который снимали в Петербурге. Он сказал, что съемки проходили в Зимнем дворце, что клип обещает быть роскошным, красивым, что Нина записала практически целый концерт, состоящий из известных оперных арий и романсов. Что она выступала там одна, ни о каких конфликтах на съемочной площадке она не упоминала. Все было спокойно, хорошо, она вернулась крайне довольная работой.

– А что с поклонниками? Может, кто-то из их числа каким-то образом демонстрировал психическое отклонение?

Он понял мой вопрос. Сказал, что поклонников много, что встречаются разные, но в основном молодые девушки, вполне адекватные, которые ездят за ней на гастроли, поддерживают ее, помогают.

Я запоминал все, что он рассказывал мне, в душе надеясь, что Нина Бретт все же отыщется в самое ближайшее время. Мы расстались с ним почти друзьями, я испытывал к Борису искреннюю симпатию и понимал, почему яркая звезда оперного искусства Нина Бретт выбрала себе в мужа скромного настройщика – он был человеком. Добрым, надежным, и настоящим музыкантом. Она могла всегда на него положиться.

Вечером за ужином я рассказал Гере об исчезновении Нины Бретт.

– Нина Бретт! Хочешь, я дам тебе ее послушать! – оживилась она, и вскоре нашу квартиру заполнило великолепное, сверкающее сопрано. Я не музыкант и то был потрясен пре-

красным голосом молодой женщины, являющейся к тому же практически моей клиенткой!

– Она потрясающе красива! – сказала Гера. – Она может украсить любой театр мира! Кажется, у нее контракты с какими-то знаменитыми театрами Италии, Аргентины. Я где-то читала!

Лена, раскладывая по тарелкам пюре с котлетами, вздохнула:

– Эх, дает же Бог кому-то волшебный голос! Вы уж разыщите ее, Ефим Борисович!

Я промолчал. Два моих помощника отправились на дачу Нины в Лопухино. Одного человека я послал на ее квартиру. Сам же вечером поехал на встречу с близкой подругой Нины Стеллой Михайловой в ресторан «Пушкин».

Лишь выехав на трассу, добравшись до развилки и увидев указатели, я сообразила, где примерно нахожусь и как доехать до Лопухина. В тот момент меня мало беспокоило, что я еду без документов, больше всего переживала, что если меня остановят и даже если я буду молчать, то в полиции быстро сообразят, кто я, и тогда уже мне не будет спасения. Жить по уши в грязи я не собиралась. Не для того я была рождена, чтобы в самое для меня благодное время, когда я была на взлете, вдруг оказаться в луже с помоями.

А потому мне надо было затеряться. Исчезнуть, спрятаться, как делают дети, испугавшись и забравшись под кровать, в темноту, в тишину. Но для того чтобы начать новую жизнь, мне нужны были деньги. Конечно, триста с лишним евро плюс пятнадцать тысяч рублей, что я нашла в портмоне маски, недурно для начала. Но я собиралась полностью изменить свою жизнь, а для этого нужны были большие деньги. И эти деньги у меня были.

Я всегда поражалась тому обстоятельству, что жены, скажем, олигархов, которых те выставляют на улицу, можно сказать, в чем мать родила, остаются без гроша в кармане. Почему они не делают никаких тайных от мужа накоплений на черный день? Ведь столько разных историй происходят в той же Москве, на Рублевке, сколько трагедий разыгрывается, и

что? Почему никто не делает никаких выводов? Разве нужно обладать каким-то особым умом, чтобы попросту припрятывать денежки от мужа, складывая их не в банк, а, грубо говоря, в банку? Из-под маринованных огурцов? И держать ее не в доме, а в саду, в лесу, где-нибудь там, где можно будет потом откопать?

Понимая, что жизнь любого человека полна сюрпризов и что известные личности зачастую становятся мишенью для негодяев, бандитов и воров, я завела себе кубышку. Стекланную банку, куда сложила девяносто пять тысяч евро, закрыла крышкой и зарыла в лесу в Лопухине. В километре от собственной дачи.

Вот туда-то я и направлялась. С гудящей головой, трясущимся телом, наполненная воздухом, как воздушный шарик.

Мало того, что моя репутация была загублена, так еще я стала убийцей. Да, я протерла канделябр, орудие убийства, простыней. Но сами-то простыни были все в моей крови. Кроме того, я была босиком. А потому могла наследить по полу, пока не обулась в кроссовки. Да и вообще, в доме было много предметов, на которых могли бы быть отпечатки моих пальцев. Посуда, чашки, вилки, предметы в ванной комнате, словом, везде, где я бывала и чем пользовалась, пока находилась в том доме.

Но было одно радостное (если вообще, это слово уместно в той ситуации) событие: меня не было в моем мире не неде-

лю, как сказала мне маска, а двое суток. Я поняла это, едва взяла в руки ее телефон.

Телефон. К сожалению, от него надо было избавиться. Не слишком-то хорошо разбирающаяся во всех тонкостях, связанных с возможностями определения по телефону места его нахождения, я решила не рисковать и выбросить его, раздавленного мною, в окно прежде, чем сверну на проселочную дорогу, ведущую в Лопухино. Все, теперь никто не сможет определить его местонахождение.

Мои действия в эти первые дни после произошедшей со мной трагедии вряд ли кто поймет. Нужно оказаться в моей шкуре, прочувствовать многое, прежде чем судить о том, правильно ли я действовала или нет. Понятное дело, что я была неадекватна. Я была на грани. Еще немного, и я, думаю, покончила бы с собой. Но, с другой стороны, так хотелось жить. Несмотря ни на что! Как если бы я воскресла и мне предложили пойти по другому пути. Да так, чтобы начать все сначала и чтобы никто не понял, что ты – это ты!

Вот скажи какой-нибудь изнеженной девушке, гламурной, утонченной, что она через несколько часов будет яростно лупить серебряным канделябром по голове другой женщины. Лупить до тех пор, пока не разобьет голову, не пробьет в ней дыру, через которую можно будет увидеть мозг! Она скажет, что вы спятили. Думаю, что и я бы тоже сказала так же. И я никогда и никого раньше не убивала. И не испытывала же-

ления лишит жизни другое живое существо. Однако убила же. Словно во мне проснулся кто-то, отвечающий за мою физическую сохранность. И сила откуда-то появилась!

Но кому я теперь, после всего, что со мной произошло, могу быть нужна? Уж точно не Боре.

При мысли о Борисе слезы текли, просто заливая мое лицо. Я едва успевала вытирать их рукавом чужого, пахнущего сигаретами свитера.

Был сентябрь, довольно тепло, но в открытое окно «Фольксвагена» врвался горьковатый осенний воздух. Скоро пойдут грибы...

С деньгами я решу, надо только доехать до леса и выкопать банку.

А вот как заставить поверить Бориса в то, что я влюбилась в другого мужчину и уехала с ним в даль далекую? Как разозлить его, чтобы он не искал меня, чтобы возненавидел и чтобы при имени моем его бросало в дрожь от злости? Чтобы не страдал, зная, что меня похитили, скажем? Чтобы поскорее забыл меня?

Признаться ему в том, что произошло со мной, я не смогла бы никогда. Это невозможно. Тем более что после этого будущего у нас с ним все равно не будет.

Иногда мне казалось, что мысли мои текут ясно, что в голове формируется словно сам собой план спасения.

Но в другие моменты мне казалось, что я просто схожу с ума. Ведь в голову лезли совершенно уж дикие мысли.

К примеру, решив остаться живой, я понимала, что должна измениться внешне. Если я была брюнетка – значит, должна стать блондинкой. Если глаза синие – значит, сделать карими. Если есть голос – спрятать его, забыть о нем.

Вот последний пункт выполнялся сам собой. Голоса не было. Было какое-то сипенье, хрип. Это я заметила, разговаривая с маской. Возможно, мне влили в глотку какую-нибудь разъедающую отраву.

Убили во мне не только личность, женщину, но и оперную певицу.

И это чудо, что меня оставили в живых. Должно быть, в их план входило увидеть меня низложенной, повергнутой, превращенной их стараниями в мишень для издевательств и унижений.

Нет, этого не будет. Потому что не будет меня. Вместо меня будет не стройная брюнетка с синими глазами и хорошим голосом, а полненькая кареглазая блондинка с сиплым карканьем.

И жить я буду не в столице нашей родины Москве, а в какой-нибудь тмутаракани. До поры до времени. После чего плавно перенесусь в мир хирургической пластики и лягу на стол в каком-нибудь Баден-Бадене, чтобы мне изменили внешность. Куплю себе домик где-нибудь в Германии или в Швейцарии, маленький, недорогой, пианино и буду работать над восстановлением голоса. Если же его невозможно будет восстановить, то займусь развитием каких-нибудь дру-

гих талантов. Стану художником, например. Достигну успехов, вернусь в Москву, познакомлюсь с Борисом (хоть бы он к тому времени не женился, не обзавелся семьей!), влюблю его в себя, и все! Мы с ним будем счастливы...

Рыдания мешали мне дышать, не то что вести машину. Я скатилась с трассы на обочину, уронила голову на руки, вцепившиеся в руль, и долго, судорожно плакала.

Конечно, я могла бы позвонить Борису. И он бы все понял, он мой друг, он сделал бы все правильно, увез бы меня, оградив от всей грязи, что сейчас уже наверняка льется мне на голову. Но тогда из наших отношений исчезло бы то главное, та чистота, любовь, что придавало смысл нашему сосуществованию, что питало его, доставляло радость и ощущение полноты жизни. Обнимая меня, он представлял бы себя. Господи, сделай так, чтобы хотя бы меня оставили в покое эти отвратительные сцены!

Я остановила машину в соседнем проулке и пешком, по песчаной теплой от солнца дороге, зашагала по направлению к своей даче.

Красивый двухэтажный дом, построенный в английском стиле, – бело-коричневый, с заросшей диким виноградом террасой, кустовыми розами. Чудесно заросший, но такой милый, уютный.

Вряд ли меня уже ищут. Еще рано. В любом случае мне и нужно-то всего несколько минут – открыть дом, написать

письмо и вернуться в машину.

Ключи я нашла в условленном месте. Одна из роз искусственная, в ней и находится большой ключ от первой двери. За ней маленький холл, и там в светильнике в условленном месте – связка остальных ключей.

Сердце мое колотилось так, что я с трудом дышала. Отворив все двери, ворвалась, как ураган, в дом, бросилась в спальню, нашла блокнот. Вырвала лист, взяла ручку и написала быстро-быстро текст, который твердила как безумная всю дорогу.

«Боря, я полюбила другого человека. Считаю, что я сошла с ума. Все гастроли похерила, расплатись с моим агентом, он разберется, деньги знаешь где («Каплан-банк» и др.) Доверенность действительна еще полтора года, так что действуй. Не суди строго. Я должна была это испытать. Я так счастлива, что просто не выразить словами. Прости меня сто тысяч раз. Забираю твою куртку, джинсы. Еще консерв. персики. Не поминай лихом Н.Б.»

Записка должна была выглядеть легкомысленной, чтобы ни у кого, кто будет меня искать (а такое не исключалось), даже и мысли не возникло, что она написана под давлением. Дура-женщина влюбилась и улетела в неизвестном направлении. А раз позволила бывшему возлюбленному, обладающему доверенностью, расплатиться за разорванные (серьезные!) контракты, сорванные концерты, значит, новый мужик ее – человек не бедный, но такой же бесбашенный, как и она

сама. Это должно было сработать.

Я на самом деле прихватила кое-что из вещей Бориса, поскольку не хотела носить вещи, которые дали мне в том доме. Кто знает, кому они принадлежали раньше?

И кроме консервированных персиков, забрала из холодильника и сунула в сумку все, что было: запечатанный окорок, сыр, коробку печенья. Еще позаимствовала нож, ложку, вилку.

Я сильно рисковала, принимая душ. Если Борис паникует, то второй адрес, по которому меня будут искать, – это Лопухино.

Я дважды вымыла голову, дважды намыливалась. Если бы возможно было бы, содрала бы с себя кожу! Меня постоянно преследовал запах чужих тел...

Вытерлась досуха, бросила мокрые полотенца в корзину для белья, переоделась. Как я жалела, что в доме не нашлось ни одной моей вещи вроде джинсов или свитера! Ночные сорочки, пижамы, халаты, платья, юбки, блузки... Все то, что носилось в моей прошлой жизни и чему не было места сейчас, – просто стечение обстоятельств. Вероятно, я все свои джинсы просто забрала в город! Поэтому пришлось взять лишь свою пижаму да кое-что из вещей Бориса. Хорошо, что нашлись мои кожаные мокасины!

Все те вещи, в которых я приехала, я сунула в большой пакет и собиралась выбросить по дороге.

Я положила в багажник сумку с вещами, садовую лопату,

две канистры, заперла дом, вышла за ворота, вернулась к машине и поехала в лес. Я не очень хорошо вожу машину, а тогда вообще двигалась в каком-то лихорадочном, нервном состоянии, и мысли мои, отодвинув самые страшные, были направлены исключительно на то, чтобы я сумела найти свой тайник, разрыть его и найти там свои деньги.

Время от времени мне казалось, что я слепну – это слезы заливали мое лицо. Словно они на тот момент еще были живы и бурно реагировали на происходящее, жалели меня.

Солнечная лесная опушка в глубине леса, находящаяся за поселком Лопухино, казалась мирной, и всегда, когда я бывала здесь раньше, меня обволакивало чувство вселенского умиротворения и покоя. Наведываясь сюда время от времени, чтобы положить деньги в банку, я сидела на широком, покрытом зеленоватым мхом старом пне и распевалась. И мои трели, вылетающие из разогретых связок, сливались с трелями птиц, и мы словно соревновались в певческом искусстве, перекликаясь и дразня друг друга чистыми, звонкими звуками. Особенно чудесно здесь звучала ария Царицы Ночи из «Волшебной флейты» Моцарта. Жаль, что в такие минуты меня не слышал никто, кроме лесных птиц и зверей. Ведь я была там совершенно одна, и даже Боря ничего не знал о моем тайнике. Зато он знал о моих счетах в московских банках, в Цюрихе... Я позаботилась о том, чтобы банковская доверенность на его имя была оформлена надлежащим образом и чтобы в случае моей болезни, к примеру, или отсутствия

Борис мог бы решить мои финансовые проблемы.

Я старалась не думать о том, что будет, когда он найдет мою записку, что подумает обо мне. Скорее всего, решит, что я спятила. Что ж, пусть.

У подножия старого дуба, на поляне, в трех метрах от зеленого пня, рос куст дикой малины, под которым я и закопала банку с деньгами. Банка же, в свою очередь, была помещена в металлический контейнер, который мог бы защитить стекло от ударов лопаты.

Я достала лопату и принялась копать. Осторожно, почти нежно. И когда послышался характерный металлический скрежет, свидетельствующий, что лопата коснулась контейнера, меня немного отпустило. Кто бы что ни говорил, но человек с деньгами, в какой бы ситуации он ни оказался, чувствует себя куда спокойнее и увереннее.

Я обкопала контейнер, извлекла банку, вытряхнула деньги, уложила в полиэтиленовый пакет и спрятала банку обратно. Закрыла контейнер и присыпала его землей. Пусть полежит здесь в тишине – до лучших времен.

Но когда наступят эти лучшие времена – кто знал?

Я вернулась в машину, положила пакет с деньгами на пол, за задним сиденьем, и поехала куда глаза глядят. Я понимала, что мне нельзя рисковать и лучше всего удаляться от Московской области лесными и проселочными дорогами. Если меня остановят и попросят показать документы, мне

будет конец. Вариантов сюжетов, последующих за этим, было много, и все они были отвратительны, унижительны. Задержат, да еще и деньги отберут.

И я стала молиться. Машина моя катилась вперед, подпрыгивая на ухабах, выныривая из леса и мчась вдоль полей и лугов. Часть моего пути все же прошла по автобану, и это тоже было неплохо (и неотвратно) – на одной из автозаправок я залила полный бак бензина и канистры, разменяла сто долларов, щедро подаренных мне убитой мною «маской», купила там же, на станции, холодной родниковой воды, печенье, бумажные салфетки, вернулась в машину и поехала дальше.

Я понятия не имела, куда еду. Важно было удалиться в самую глубь, куда-нибудь в сельскую местность, в моих планах было найти глухую деревню и поселиться там в заброшенном доме. Или же на худой конец купить домишко, не привлекая к себе, однако, внимания.

К Богу я обращалась самыми простыми словами, молила его о помощи, о том, чтобы сохранил мне жизнь и избавил моего Бориса от душевных страданий. Просила прощения у всех, кого обидела (хотя не могла вспомнить, чтобы такое случалось). Всегда старалась жить, никого не задевая и всем желая лишь добра. Другое дело, что мое существование, мой голос многим не давали покоя. Но не украла же я его. Он был подарен мне, и я сделала все возможное, чтобы его сохранить и развить. Конечно, в этом мне помогли мои препод-

даватели, которые вкладывали в меня не только свой опыт и желание сделать из меня настоящую оперную певицу, но и душу. Наталия Петровна Самсонова... мой педагог, мой большой друг, человечище, которая распознала мой голос и помогла мне его развить, превратить в настоящую драгоценность! Несколько лет ее квартира в Китай-городе была и моим домом! Нет, конечно, она не смогла заменить мне маму, но она стала для меня тем человеком, которого я могла бы назвать родным, близким.

...Я остановилась в неизвестном мне лесу, уже смеркалось. Одна пачка салфеток уже закончилась – пропитанные моими слезами, они белыми птицами вылетали из моего окна. Мне вдруг подумалось, что то решение, что я приняла, было продиктовано не только моим нежеланием возвращаться в Москву, в тот мир, где еще недавно мне было так хорошо и комфортно и где каждый день приносил мне радость любви и пения, где есть Борис и музыка. Наталия Петровна... Ей покажут, доложат, а у нее больное сердце... Если сердце есть у тех, кто сотворил со мной все это, может, они сжалятся хотя бы над моей памятью? И не поместят ролик на этот опасный сайт-рупор человеческой бестактности? Ведь это ее убьет.

Судьба популярных людей всегда связана с великим множеством тех, кто может подняться на гребне твоей славы и известности, а может быть выпачкана так же, как и ты сама, так называемая звезда...

Мою же звезду погасили. Завернули в окровавленные простыни и бросили на пол...

Как, как такое могло случиться? Я ничего не помнила, кроме того, что вернулась из Петербурга, где я с таким удовольствием работала над клипом в Зимнем дворце. Смутно помнила Бориса, встречавшего меня на вокзале с цветами. Да, был большой букет розовых роз.

Потом было все как-то размыто... И никаких подсказок из глубины памяти. Она жалела меня, эта самая память.

Но как я оказалась в том доме? Помню, что единственным моим желанием, еще когда я была в поезде, было как следует отдохнуть, выспаться. Напряжение на съемках было колоссальным. Помимо того, что с самого утра я была в студии, где проходила запись моих номеров, после обеда меня привозили в Зимний, где в декорациях гениальной архитектуры и буйства красок, позолоты проходили непосредственно съемки и откуда мы возвращались поздно ночью в гостиницу. Я даже ужинать не могла, настолько была измотана. В поезде мне тоже не удалось поспать, я лежала с открытыми глазами, мысленно переживая все то, что чувствовала, работая на съемочной площадке. Быть может, кто-то пресытился музеями и дворцами, для меня же само нахождение в потрясающих залах Зимнего дворца всякий раз производило впечатление, восхищало до головокружения. Мрамор, зеркала, позолоченные барельефы, скульптуры, сверкающий паркет...

Где подсмотрел меня, счастливую, и вдохновился на мое

убийство преступник? Кто он? И почему выбрал такую изощренную казнь? Это был вызов? Конечно, да. Интуиция подсказывала, что инициатива моего уничтожения исходила все-таки от женщины. Быть может, она была певица, ущемленная моим присутствием на оперной сцене, а, может, женщина, влюбленная в Бориса? Или в кого-то еще, неравнодушного ко мне? Ведь поклонников у меня было много, в квартире моей не было свободного места – повсюду стояли вазы с цветами, нередко цветов было так много, и букеты были столь огромными, что они ставились прямо в ведра с водой. Случались и записки, замаскированные в листьях и цветах, в которых восторг и любовь выражались скупыми строчками: «Чудесной от В.К.», «Поеду за Вами в Париж, буду в третьем ряду, в опере, 13 октября, преданный Вам С.В.», «Вы моя последняя любовь. Сергей П.». Случались и подарки, спрятанные в букетах: шоколад ручной работы, украшения...

Что, если мой мучитель как раз из числа воздыхателей, поклонников? Или женщина, заметившая любовь своего мужчины ко мне и решившая отомстить мне? Любовница, жена?

Что случилось после того, как Борис отвез меня домой? Я нисколько не сомневалась, что он довез меня до дома, проводил до самых дверей, это было законом. Он дождался, когда за мной закроются двери, и только после этого должен был

вернуться к себе домой. Он понимал, что иногда мне необходимо побыть одной, чтобы элементарно выспаться, чтобы провалиться в сон глубоко, ни о чем не думая. С Борисом я не высыпалась так, как когда спала одна. С Борисом меня приятно отвлекали его объятия, ласки, его дыхание, его нежность. Я любила Бориса, люблю и сейчас. Знаю, что и он любит меня, а потому будет страдать. Страдать невыносимо. Уж лучше бы я умерла...

Стелла Михайлова, подруга Нины Бретт, сидела напротив меня за столиком в кафе «Пушкин». Перед ней на блюдечке лежали эклеры в розовой глазури.

Стелла, пышная блондинка с зелеными глазами (подозреваю, что это были все-таки линзы), улыбалась мне с плохо скрытой иронией. Думаю, я не понравился ей с первых же секунд нашей встречи.

– Вы, верно, ожидали увидеть стройного брюнета с пистолетом в кармане, типа честный детектив, а перед вами появился невысокий полноватый господин с печальным лицом, так? – Я улыбнулся, поскольку не мог не улыбнуться столь красивой молодой даме.

– Да бросьте вы! Ничего я и не ожидала увидеть. Да мне, признаться, все равно, кто вы и как выглядите. Вы сказали, что хотели бы поговорить о Нине Бретт. А поскольку она моя подруга, я не смогла вам отказать. К тому же не думаю, что разговор займет много времени.

– Вы пришли сюда исключительно ради меня или? – Я покосился на розовые эклеры.

– Честно говоря, я прихожу сюда каждый день, я снимаю квартиру неподалеку, – призналась она. – Я не пью шампанское, от него садится голос, не курю по известным причинам, и сейчас у меня нет любовника. Как видите, удовольствий

не так много. Кроме удовольствия, связанного с моей профессией, с музыкой и театром, у меня осталось лишь это – пирожные...

– Я задам вам всего несколько вопросов...

К нам подошел официант в бордовом жилете, белой сорочке и белом длинном фартуке, улыбнулся. Я заказал ему коробку разных пирожных, на его выбор, сказал, что возьму с собой.

– Вы ведь тоже оперная певица? – спросил я и тут же пожалел о своей бестактности. Это мое «тоже» могло прозвучать несколько грубовато.

– Да, я оперная певица, выступаю в театре «Голд-Опера», что в Александровском саду, еще у меня контракты...

Она старалась говорить слегка лениво, с ноткой усталости, но я почувствовал в ней напряжение. Она понятия не имела, с чем я к ней пришел. Во всяком случае, я так тогда подумал.

А как она была хороша! Свежая, румяная, с блестящими глазами в своей изумрудной кофточке из мягкого атласа! В такие минуты любования женскими прелестями меня всякий раз охватывает щенячий восторг! Так и хочется протянуть руку и потрогать и эту ткань, и светлые кудри, и коснуться гладкой и нежной кожи.

– Стелла, вы прекрасны, – не выдержал я. – Мне стыдно даже говорить с вами на серьезные темы, так и хочется любоваться вами...

Я был с ней искренен.

– Так что там с Ниной?

– Вы знакомы с Борисом Равенковым?

– С ее красавчиком-то? Да кто ж с ним не знаком? Конечно! Думаю, они будут прекрасной парой. И она умница, что выбрала именно его. Пусть он не богат, но надежен. Да и красив, я же говорю. Ну и любит ее, конечно, без памяти. Это сейчас она держит его немного на расстоянии, но потом, конечно, они будут жить вместе, она привыкнет спать с ним.

– В смысле?

– Я просто знаю Нину, она очень ценит свою свободу и говорит, что не умеет спать с кем-то... Не высыпается.

Она вдруг улыбнулась.

– Послушайте, что за чепуху я несу, а вы меня не останавливаете?

– Нина пропала, – поспешил вставить я главное, ради чего пришел. – Борис нанял меня, чтобы я ее разыскал. Вы понимаете, что первый человек, к которому я мог бы обратиться за помощью, – ее близкая подруга.

– Пропала? Что за чушь?! Да она наверняка спит дома! Она же как раз два дня тому назад вернулась из Питера, у нее была запись клипа. Она позвонила мне, когда поезд уже был на подходе к Москве... Она призналась мне, что очень довольна работой, но страшно устала. Сказала, что хочет провести эту ночь одна. Еще сказала, что в восторге от Зимнего.

– А как вообще в последнее время протекала ее жизнь?

– Знаю, что она много репетировала. Во-первых, последнюю неделю она почти жила у своего преподавателя, Наталии Петровны Самсоновой. Они много занимались, но была еще одна причина, по которой Нина подолгу задерживалась у нее. Деньги. Нина помогала ей деньгами, покупала лекарства, у нее что-то с суставами, кажется... И поскольку Наталия Петровна такой человек, что никогда не примет деньги просто так, вот Нина и брала у нее уроки, занималась с ней, понимаете? В этом вся Нина! Она блестяще знает все эти арии, она может выступать с ними в любом театре мира, она готова, ей нужно только распеться, разогреть связки, но надо просто знать Нину, она очень добрый человек, она не может позволить, чтобы близкий ей человек страдал. Она очень привязана к Наталии Петровне. После смерти матери Наталия Петровна стала для Нины как мать, понимаете.

– Нина – ответственный человек?

– Не то слово! – Стелла, забывшись, принялась за эклеры. – Нина – очень ответственный и организованный человек. Нет, конечно, ничто человеческое ей не чуждо, и она может поддаться эмоциям, развеселиться, устроить какой-нибудь тарарам, она шумная, громкая, веселая... Но никогда не опаздывает, все делает в срок... Думаю, вы все поняли.

– Значит, если она не отвечает на звонки в течение сорока восьми часов, с ней что-то случилось?

– Знаете... – Стелла отодвинула от себя тарелку, промокнула губы салфеткой. – А ведь до меня только что стало до-

ходить, что Нина пропала. Даже если предположить, что она потеряла телефон или он у нее разрядился, а она где-то за городом, я говорю, к примеру, она бы точно нашла способ, как сообщить о себе Борису. Она очень дорожит им, любит, она никогда не позволила бы ему страдать.

– За городом? А что, такое могло случиться?

– Нет, у нее не было параллельной жизни, я имею в виду любовников, Нина не такой человек. Я сказала, к примеру. Ведь у нее был определенный круг общения, понимаете? И люди все не простые, я имею в виду, многие очень известные, но не желающие светиться. Они могли пригласить Нину и за город, а что в этом такого? Во-первых, она могла отдыхать где-нибудь на даче, во-вторых, могла заработать в очень узком кругу... Борис, правда, это не одобрял, он всегда переживал за нее, считал, что даже на серьезных приемах она может стать мишенью подвыпивших мужчин, кем бы они ни были...

– Стелла, вы же сказали это не просто так. Вы что-нибудь знаете?

– Знаю, что в нее влюблен один человек. Но имени его я назвать не могу. Слишком высоко он летает, понимаете? Очень приятный господин, влиятельный... Просто я подумала, что вот ему Нина вряд ли бы отказала, пригласи он ее, скажем, поужинать. Я даже представила себе, что Борис проводил ее до дома, они распрощались, и Нина собралась уже лечь, и в это время ей позвонил этот человек и пригласил

сил куда-то... Поверьте мне, она поехала бы с ним, и не как с женщиной, а просто как с человеком, который, помимо того, что может ей быть полезен, еще и настоящий ценитель музыки, оперного искусства, просто интересный человек. Иметь такого в друзьях – просто счастье! Думаю, что он влюблен в Нину, именно как в оперную певицу, в ее голос.

– А Борис? Он знает обо всем этом?

– Знает. Нервничает, конечно, но, с другой стороны, уважает этого человека. Он понимает, что обладание такой женщиной, как Нина, сопряжено с подобными ситуациями, что ему придется делить ее с другими людьми. Кроме того, я знаю, что между Ниной и Борисом существует определенная договоренность, смысл которой сводится к тому, что даже в браке Нина не потеряет своей свободы.

– Это как? Речь идет о свободных отношениях или...

– Не в общепринятом смысле, конечно. Нина вольна распоряжаться своим временем, встречаться с людьми по своему желанию, перемещаться в пространстве...

– К Борису это тоже имеет отношение?

– Разумеется. Другое дело, что он этим правом практически не пользуется. Он спокойно себе работает, настраивает рояли, но в основном сопровождает Нину на ее гастролях, ведет ее дела, следит за тем, чтобы в ее жизни все было в порядке. Он ее ангел-хранитель, понимаете? И он бесконечно доверяет ей. Так скажу: он идеальный муж.

– У нее есть враги? Такие, которые способны на самое

страшное.

– Думаю, да. Но их так много, и у всех у них прекрасные лица и голоса, это чудесные женщины, посвятившие себя оперному искусству... Вы понимаете, о ком я?

– Вы не могли бы составить для меня список этих фуррий? – попросил я, состроив уморительную мину, чтобы расположить Стеллу к себе.

– Вы считаете, что все это несерьезно? – в ответ улыбнулась мне любительница пирожных. – Что женщина, которая всю жизнь положила на оперу и которую обошли вниманием, лишили возможности исполнять главные партии, которую отодвинули на второй, а то и третий план, не в состоянии избавиться от соперницы?

– Стелла... Но если так рассуждать, то одно из первых имен в этом списке ваше? – я перешел на шепот.

– Нет! – так же шепотом, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, ответила мне Стелла. – Я люблю Нину, и зависть моя, поверьте мне, белая! Что поделать, если Господь наградил ее драгоценным голосом? Не всем же быть сладкоголосыми птицами. И тут уж ничего не сделаешь. Понимаете, можно обмануть зрителей в драмтеатре, все-таки драматическое искусство воспринимается несколько иначе, и плохая актриса еще может продержаться несколько спектаклей, если постарается. Может взять обаянием, внешностью, даже ролью, если роль выигрышная... А вот если ты курица безголосая, а тебе предстоит спеть сложную арию, да и вообще

продержаться целый спектакль – здесь тебе уже ничего и никто не поможет. Вы понимаете, о чем я?

– Конечно, безусловно. Но списочек все-таки составьте, хорошо?

– Как скажете! Но давайте все-таки надеяться, что Нина найдется, буквально сегодня. Полагаю все-таки, что она где-нибудь за городом, на даче господина... Ой, чуть не проговорила.

– Вам лучше проговориться, Стелла, чем потом опознавать вашу подругу в морге, – сказал я с печалью в голосе.

Подошедший официант принес мне красивую коробку с пирожными.

– Сергей Кузнецов, – услышал я, поднял взгляд и увидел полные слез глаза Стеллы.

– Вы испугали меня.

«С подружками по ягоду ходить,
На оклик их веселый отзываться.
Ау-ау...»

Я и не заметила, как салон угнанной мною машины заполнился голосом Нины Бретт. Той Нины, какой я была, казалось бы, совсем недавно.

Словно память подарила мне эту возможность, вернула на какое-то время и голос, и желание петь. Что это было? Откуда вдруг было взяться этой чудесной музыке, этой ожившей Снегурочке в один из самых тяжелейших моментов мо-

ей жизни, когда я, петляя по лесам и полям, мчалась прочь от своей беды. Словно от нее можно было укрыться...

Смеркалось, я мчалась по ухабистой пыльной дороге, зажатой вспаханнами черными полями, над головой моей нависло сумеречное сиреневое небо с молочными вкраплениями облаков.

«Круги водить, за Лелем повторять
С девицами припев весенних песен,
Ой, ладо, Лель, милей Снегурочке твоей.
Без песен жить не в радость ей...»

Чудесный Лель, очарованный музыкой и Снегурочкой, он всегда ассоциировался у меня с теплом, солнцем, фантастическими лугами, ромашковыми венками девушек, древними русскими теремами и гениальной музыкой Римского-Корсакова.

Голос мой пролился на поля, растворяясь в чистом воздухе, в вечернем розоватом свете, и в какой-то момент я испытала даже счастье...

Но все закончилось так же неожиданно. Моя Снегурочка замолкла, словно горло ее сдавила чья-то ледяная и сильная рука. Я только открывала рот...

А потом словно дождь пролился на ветровое стекло – это были мои слезы. Они мешали следить за дорогой, которая становилась сложнее, машину просто подбрасывало на коч-

ках, мне было страшно представить себе, что будет, если отвалится колесо или машина вообще развалится на части от моей безумной гонки. А ведь за мной никто не гнался, кроме сонма несчастий.

Если я застряну здесь, в поле, рассуждала я, то кто меня здесь найдет? Ведь я же выбирала заброшенные, заросшие дороги, заезжала в лес, а иногда и просто тряслась по бездорожью, по сухой и твердой поверхности заросших травой и осенними цветами лугов, где дорога была лишь слегка обозначена.

В какой-то момент я поняла, что совершенно выбита из сил. Я остановилась в тенистом лесу, погрызла печенье, запивая водой, потом, вспомнив о пакете с вещами, одолженными мне моей мучительницей в маске, выбросила его в кусты и снова двинулась в путь.

На внутренней стороне дверцы машины я нашла старую, потертую, в жирных пятнах карту автомобильных дорог. Вспоминая, какие населенные пункты я проезжала, я поняла, где нахожусь. К-ская область.

Все вокруг меня уже клубилось темно-синей вечерней дымкой, приближалась ночь. Я выбралась из леса, заметив, как совсем рядом с мягкой, устланной хвоей дорогой блеснуло отражением лилового неба небольшое озеро.

Машина выкатилась на ровную, утрамбованную и присыпанную щебнем дорогу, где белой светящейся краской на го-

лубом фоне указателя обозначился следующий населенный пункт: «Синее Болото».

От удивления, что могут существовать деревни и с такими жуткими названиями, я даже, помнится, закашлялась. А что, подумалось мне тогда, если я умерла там, в том доме, и теперь вот перенеслась в какое-то другое измерение, где существуют и такие деревни. Что, если все это другая реальность, и теперь мне как бы нечего бояться?

Эта мысль придала мне силы. Пережитое показалось мне вполне справедливой платой за все то счастье, которое наполнило меня последние годы и заставляло завидовать мне сотни людей! И теперь, когда я как бы за все расплатилась и, больше того, все потеряла, мне теперь и бояться-то нечего! Как и терять тоже.

Странное дело, но, чем дольше я так думала, тем больше мне казалось, что даже небо посветлело, и фары мои проснулись, освещая путь в Синее Болото, словно в какую-то жуткую, но интересную сказку.

Похоже, я свихнулась.

Деревня была небольшая, в две улицы, и дымилась, как если бы все жители договорились в один вечер собрать перед своими домами весь садовый мусор и запалить. Горьковатый, но какой-то вкусный, душистый дым, какой бывает, когда жгут осеннюю листву, заполнил мои легкие, защищал в сорванном горле. Я каталась по тихим, безлюдным ули-

цам, все освещение которых составляли редкие уличные фонари да светящиеся леденцовым светом окна домишек, и пыталась решить, где остановиться, в какой дом постучать. Я понятия не имела, как и у кого просить помощи. Но время шло, я все кружилась и кружилась по деревне, пока совсем не стемнело и я не уткнулась в большой черный куст рядом с покосившимся забором. Это была самая окраина деревни, маленький черный дом, мрачным силуэтом вырисовывавшийся на фоне едва светящегося синим светом неба с мутной россыпью молодых звезд. Кто бы там ни жил, подумала я, попрошусь туда. Хозяева явно простые, бедные люди. Об этом кричало все: и полуразобранный забор, и кривые ворота, и распахнутая калитка, издающая слабый тоскливый скрип.

Я вышла из машины, сделала несколько упражнений. Мое тело просто просило движения после стольких часов за рулем.

Подойдя к калитке, я посвистела, предполагая, что таким образом смогу привлечь к себе собак, если они есть. Собак боюсь с детства. Если объявится какой-нибудь Полкан или Бобик, успею спрятаться в машине.

Но никаких собак не было. Был бы у меня телефон (как я пожалела в тот момент, что избавилась от телефона «маски»), я смогла бы осветить себе путь, оглядеться. Однако глаза мои скоро привыкли к полной темноте, я увидела большой двор, заросший травой, дом с высоким крыльцом. Я подня-

лась на крыльцо, постучала в окно. Раздался дребезжащий, невероятно громкий для обложившей меня тишины звук.

В доме по-прежнему было тихо. Я потянула ручку двери. И была очень удивлена, когда она поддалась. Хотя, подумала я, чего же тут удивляться, если все, что происходит со мной, – какой-то очень глубокий, находящийся по ту сторону жизни сон, где возможно все?!

Я бы, наверное, тогда нисколько не удивилась, увидев внутри дома красный бархат театрального занавеса, а за ним рукоплещущий зал, готовый приветствовать меня, оставшуюся в живых, фантомную певицу...

Я вошла в темноту, и в нос мне ударил запах яблок и плесени, а еще керосина. Так пахнет в старых деревенских аутентичных домах, не знающих газа и электричества, посудомоечных машин и химических чистящих средств.

Я принялась шарить рукой по обе стороны дверного косяка в надежде найти выключатель, и когда я его нащупала, мало надеялась на то, что в доме сохранено электричество. Ведь по запаху чувствовалось, что он нежилой.

Вспыхнул свет, и я зажмурилась. Он был нестерпимо яркий. Я так постепенно, час за часом погружалась сначала в сумерки, потом в черноту, что для моих глаз эта обыкновенная, не защищенная абажуром лампочка показалась солнечным протуберанцем.

Я обошла дом. Две маленькие спальни находились по обе

стороны большой комнаты. Очень скромная обстановка, но чувствовалось, что когда-то здесь жили довольно современные люди, и уж точно не старики. Но все подробности быта мне еще предстояло рассмотреть. Главным для меня было обрести крышу над головой на первое время и, что не менее важно, как можно быстрее избавиться от машины. Ведь ее будут искать. А машина, вполне вероятно, принадлежала «маске».

Я нашла в маленькой кухне в ящике стола фонарик и вышла с ним из дома, выключив свет. Сначала принесла в дом весь свой багаж, деньги, спрятала, как могла, куда-то под кровать, в пыль, потом вернулась в машину и поехала в сторону леса. Туда, где по дороге видела лесное озеро. Я понимала, что сильно рискую, что, возможно, у меня не хватит сил проделать то, что я задумала. Но от машины нужно было избавиться. А для этого в полной темноте мне предстояло разогнаться на машине и, перед тем как она коснется колесами воды, выпрыгнуть.

Вот что все-таки значит психологический настрой, даже если он пахнет шизофренией. Да, пусть я схожу с ума, пусть, но я была уверена, что у меня все получится. Что у меня просто не может не получиться, потому что все это нереальность. Это сон, а во сне происходят самые невероятные вещи.

Сначала я хорошенько осмотрелась. Пологий берег, чер-

ная вода, низкая трава... Ничто не могло мне помешать загнать машину под воду, утопить ее.

Я с какой-то необыкновенной легкостью дала задний ход, после чего, включив первую скорость, разогналась в метрах пятидесяти от берега и, мчась на скорости в сверкающую под яркой луной неизвестность, в последний момент выпрыгнула, вывалилась из машины, рухнув куда-то в кусты, и откатилась в сторону... Я хорошо слышала тяжелый всплеск, словно в озере перевернулась и грузно плюхнулась и ушла под воду гигантская рыба, речное чудовище. На самом деле под воду ушла машина.

Поднявшись с земли, я поняла, что все равно почему-то по пояс в воде.

«Тебе нельзя простужаться, Ниночка, ты должна беречь себя...» Я словно услышала голос моей любимой Наталии Петровны.

Да уж, я поберегла себя. Ничего не скажешь.

Получается, что я выпрыгнула из машины действительно в самый последний момент и плюхнулась куда-то в поросшие кустами и, возможно, камышами озеро. Или пруд.

Я выбралась на траву, отряхнулась и, включив фонарик, побрела в сторону деревни.

Мне казалось, что я иду целую ночь. Уже давно осталась позади табличка со светящимися буквами «Синее Болото»,

а я все шла, шла. Мне было так холодно, что хотелось одного – согреться. Упасть куда-нибудь, укрыться и закрыть глаза. Все.

Больше всего я боялась, что не найду этот дом. Что запутаюсь в этих двух улицах и попытаюсь войти в чужое жилище.

Но это же был волшебный сон. Я вернулась именно в тот дом, поднялась на крыльцо, вошла и, включив свет, тщательно заперлась на большущий железный крюк, потом еще и на мощный деревянный, выкрашенный коричневой краской за-сов. Все, теперь какое-то время меня никто не побеспокоит. Дом действительно нежилой. Понимая, что меня могут заметить (мало кто не спит в столь поздний час), я выключила свет, задернула короткие, но плотные темные шторы и, двигаясь с помощью фонарика, выбрала для ночлега одну из спаленок, постелила себе постель, вернее, просто смахнула покрывало, под которым была чистая постель. Стащила с себя мокрую одежду, надела мою пижаму, прихваченную мной в Лопухине, в моем доме, носки Бориса, забралась под теплое, тяжелое, явно сшитое из овечьей шерсти, одеяло, и провалилась в крепкий, долгий сон.

Утром, открыв глаза, я увидела полосы солнечного света, разлиновавшие стены и полы спальни. Нет, все, что произошло со мной за последние дни, все-таки не было сном. Это было страшной реальностью.

Пару дней тому назад я стала жертвой группового изнасилования. Все, что делали со мной сильные волосатые мужчины, было записано на видео, которое наверняка уже гуляло по сети, пугая всех тех, кто знал меня, любил, боготворил, наслаждаясь моим голосом, талантом. Женщина, лица которой я так и не увидела и которую называла про себя «маской», была одной из участниц заговора. И я ее убила. Серебряным канделябром. И нисколько в этом не раскаивалась. Весь тот бред, который она несла, что-то там о колоссальной сумме денег, которая могла бы спасти меня, мне надо было забыть.

Я не знала, беременна я или нет. Я пила противозачаточные таблетки, поскольку мне, как человеку, связанному серьезными контрактами с крупнейшими театрами мира, ребенка можно было произвести на свет, лишь запланировав. И это было в наших с Борисом планах.

Я закрыла глаза и прошептала, глотая слезы: «Борис». Горячие струи просто лились по щекам. Борис, Борис... Как он там? Что делает? Поднял на ноги полицию? Поскорее бы они уже появились в Лопухине и прочли мое письмо.

Бедный Боря, как же ему будет больно... Но разве эта боль сравнима с той, которую он испытал бы, узнав правду обо мне?

Раз я осталась жива, мне надо думать о будущем, надо научиться жить новой жизнью, все тщательно распланировать.

На кого я могу положиться?

Родителей нет. Да я и не стала бы вмешивать их во всю эту грязь, с которой смешали не только мое имя, но и меня.

Был один человек, которому я могла довериться полностью. Друг детства, человек неординарный, талантливый и преданный мне, как пес. Но он был так далеко, так далеко... Окно в интернет захлопнулось перед моим носом, обдав меня теплыми брызгами моей же крови. Что бы ни случилось в моей жизни, сеть больше для меня не существует. Ее нет. Значит, написать моему другу в Париж, моему Яну Короткову (в его документах стоит припудренная вторым гражданством фамилия «Короткофф») по электронной почте, как это я делала раньше, я не могу. Но только он, мой Ян, мог бы мне помочь осуществить мой план по возвращению к жизни. Значит, до него нужно добираться. Но как? Документов у меня не было. Они остались в моей московской квартире. Да и светиться на границах по своему паспорту я все равно не имела права. Обернуться птицей, ударившись грудью оземь, как это пишут в сказках, чтобы оказаться там, где хочу, – только это и оставалось...

Итак, Ян. Встретиться с ним – задача не из легких, и над этим еще предстоит подумать.

Дальше. Жилье. Кому принадлежит этот дом? Быть может, в деревне живут родственники бывших хозяев, которые с радостью сдадут мне его? Чем не жилье для изгоя?

Главным было каким-то образом представиться. Назвать

свое имя и более-менее правдоподобно объяснить, почему я здесь, именно здесь, а не где-нибудь в другом месте.

Если бы со мной была Нина Петровна, она сначала предложила бы мне выпить чаю, а уж потом заняться серьезными вещами.

Чай. А еще лучше кофе!

Надо было вставать, начинать новую жизнь.

Я выбралась из-под теплейшего одеяла, вышла из спальни в большую комнату. Так и есть. Здесь когда-то жила женщина. Довольно молодая, если судить по оставленным в разных местах вещам: цветной шифоновый шарфик, темные очки, французская дорогая помада, кремовые туфли на шпильках, ноутбук, томик Франсуазы Саган, крем, пустая коробочка из-под итальянского мыла ручной работы...

Ничего себе! А мыло-то здесь как оказалось? И кто эта женщина? Почему ее нет? Если она уехала, то как могла оставить дом не запертым? А если в дом пробрались воры, то почему не взяли деньги – почти три тысячи рублей, разложенных и рассыпанных на столе, рядом с корзинкой с засохшим печеньем?

Старая мебель, почти новые вещи в шкафу, дорогие духи на полочке в ванной комнате с примитивным душем и ржавым кафелем...

Если бы не слабый налет пыли и запах в доме, можно было бы предположить, что женщина была здесь недавно и просто

отлучилась в магазин за хлебом или вышла к соседке...

Но самое интересное было, конечно, в ящике письменного стола во второй спальне, превращенной в кабинет. Документы! Паспорт на имя Ольги Олеговны Блюминой. Она была младше меня всего на полтора года. То есть ей было двадцать пять, в то время как мне почти двадцать семь. С фотографии на меня смотрела вполне довольная жизнью симпатичная девушка, блондинка. Стрижка каре с легкими локонами. Глаза смеются, словно она строила глазки фотографу. Разве что язык ему не показала!

Что ж, эта девушка вполне могла носить эти туфельки кремового цвета и шарфик, и дорогие итальянские очки, и пользоваться итальянским же мылом... Любительница всего итальянского. Ну, да. Точно, у нее и белье тоже итальянское! Я обнаружила в шкафу аккуратно сложенные, чашечка к чашечке, бюстгалтеры (грудь довольно большого размера), белье...

Я подошла к окну, за которым неистовствовало солнце. Двор, мне ночью не показалось, действительно зарос травой, не было ни цветов, ничего такого, что свидетельствовало бы о том, что здесь весной кто-то что-то сажал. Я раздвинула шторы, приоткрыла окно, чтобы впустить свежий утренний воздух, и сразу же дом наполнился характерными сельскими звуками: мычанием коров, кудахтаньем кур, позвякиванием колокольчиков (козы?), голоса...

«Кто ты?» – спросила я девушку с паспорта.

Я достала из шкафа черное платье из плотного шелка, надела его. Обула кремовые туфли – они были чуть тесноваты, но колодка была на удивление удобной. Нацепила на нос темные очки. Подошла к шкафу, трехстворчатому, центральную панель которого занимало зеркало, и осмотрела себя в полный рост.

Да, примерно так выглядела обитательница этого дома в недавнем прошлом. Только блондинка, в то время как я была брюнеткой. И волосы у нее были короче, ножницы прошлись чуть ниже мочек ушей.

Мне послышались шаги, я метнулась к окну и была просто потрясена, когда увидела, что к дому идет бодрым шагом высокий молодой человек, а в руках его (в это было трудно поверить, и в эту минуту я почувствовала, что близка к тому, чтобы помутиться рассудком!) был большой букет красных роз! Примерно такие же пышные и дорогие букеты дарили мне мои поклонники. Но то было в прошлой жизни, в этой же я была никем и звали меня никак. Стало быть, эти цветы предназначались не мне... Но кому же тогда, если Оли Блюминой в доме как бы не наблюдалось...

Я замерла, стоя возле окна. Молодой человек между тем, приблизившись к дому, поднялся на крыльцо и положил цветы на верхнюю ступеньку. Потом помахал мне рукой (спо-

койно так, словно нисколько не удивился тому, что это я, Нина, словно меня здесь поджидали!) и, что-то бормоча про себя, ушел.

Лена приняла из моих рук коробку с пирожными, счастливо ахнув, потом кивнула мне головой в сторону моего кабинета, что означало, что меня ждут. Я бровями спросил ее (высоко подняв в вопросе), мол, кто? Она шепнула: «Равенков».

Не скажу, что у меня так уж сильно развита интуиция, но в тот момент, когда я услышал фамилию Равенкова, мне стало как-то тревожно на душе. Быть может, потому еще, что я только что расстался с прекрасной представительницей оперной гильдии, и мои впечатления об этих небожителях еще были свежи?

Я вошел в кабинет, и Равенков, показавшийся мне еще более бледным, бросился ко мне и стал жать мне руки.

– Что, неужели нашлась? – спросил я с надеждой.

– Нет, не нашлась, но я так рад, что вы пришли, что вы здесь. Честно говоря, я уже и не знаю, что мне делать, куда пойти, кого спросить... Я совсем один со всеми своими страхами. Очень не хотелось бы, чтобы журналисты что-то пронюхали... А у вас что-нибудь есть? Вы что-нибудь узнали?

– Да вы успокойтесь...

И не успел я сказать, как мне позвонили и сообщили, что надо срочно ехать в Лопухино, что, судя по всему, Нина Бретт наведывалась туда, причем совсем недавно, чуть ли не

сегодня!

– Поехали, – сказал я Борису, в тайне сожалея о том, что мне так и не удастся в ближайшее время выпить чаю.

– Что случилось, нашли?

– Расскажу по дороге...

Густо заросший зеленью загородный домик нашей певицы выглядел очень мило. Жаль, что я не смог тогда выразить свой восторг по этому поводу. Как-нибудь в другой раз.

Женя Горин, мой помощник, энергичный и смывленный парень, бывший опер, встретил меня на крыльце дома. Увидев Бориса, слегка растерялся.

– Это Борис Равенков, жених Нины Бретт, – представил я своего перепуганного насмерть спутника. Надо сказать, что всю дорогу до Лопухина, а это немало, он молчал, словно боясь задать вопрос, который мог бы привести к страшному с моей стороны ответу.

– Она здесь была, – сразу сообразил Женя, понимая, что главное для Бориса знать, что она хотя бы не мертва. – Причем была совсем недавно, она приняла душ, взяла что-то из шкафа...

Мы с Борисом вошли в дом, принялись осматривать комнаты.

– А где Виктор? – спросил я своего помощника, имея в виду Виктора Ухова, студента юрфака, которого отправил вместе с Женей.

– Опрашивает местных жителей, может, видели ее. Вот, – он протянул мне записку. – Читайте. Это самое главное.

– Но если она была здесь... – спустя какое-то время разговаривал сам с собой Борис, поднимая с пола женские вещи и аккуратно укладывая их в шкаф, – то почему не позвонила мне? Что случилось? В доме такой беспорядок... Что она искала в шкафах? Смотрите, дверь в кладовку открыта и в ванную...

Он открыл корзину для грязного белья, заглянул туда, извлек мокрые полотенца.

– Она точно была здесь, принимала душ. Это ее полотенца, ее запах...

– Она что, мылась холодной водой? – спросил я, чтобы немного растормошить его, отвлечь от невеселых мыслей.

– Что вы! Нина никогда бы не стала мыться холодной водой. Вот взгляните, бойлер всегда включен, мы его вообще не выключаем, чтобы в доме всегда была горячая вода. Я пощупал трубы, они еще теплые, а это означает, что она действительно была здесь совсем недавно! Слава богу – она жива!

Я смотрел на него, уже зная ответ на многие его вопросы. Записка многое объяснила. С Ниной было все в порядке. Она была жива и совершенно здорова. Просто влюбилась, решила бросить Бориса, собралась и уехала. Причем собиралась быстро, как если бы ее ждали. Покидала в сумку

или чемодан необходимые вещи, без которых не могла обойтись, написала довольно жестокую записку и уехала. Вот и вся, собственно говоря, история. Хотя и очень странная, если учитывать, что у нее, по словам близких людей, намечались гастроли...

– Борис, вот... это вам, – я с тяжелым сердцем отдал ему записку, и мы с Женей вышли на улицу подышать свежим воздухом. Понятно же было, что ему надо будет некоторое время побыть одному.

– Жалко его, – сказал Женя.

– Любовь – это болезнь, вирус, – ответил я коротко, про себя подумав, что страх перед этой самой любовью и мешает мне, с одной стороны, строить свои отношения с женщинами, с другой – помогает жить обыкновенной, не сотрясаемой разными глупостями жизнью. Примеров тому, что любовь разрушила жизни, у меня была целая коллекция. После того как я посмотрелся на супружеские измены и попытался понять их причины, механизм, у меня выработалось стойкое отвращение к институту семьи вообще. Зачем люди женятся, если потом только делают вид, что у них семья, а сами постепенно становятся совершенно чужими людьми?

Вернувшись в дом, мы застали Бориса Равенкова сидящим на диване в гостиной с совершенно потерянным видом. Записка по-прежнему находилась в его руках. Заметив нас, он словно очнулся, поднялся и, находясь некоторое время в ступоре, стоял передо мной, словно подыскивая слова.

– Получается, что я зря вас побеспокоил, – сказал он убитым голосом. – Я заплачу вам, когда мы вернемся в Москву. Главное, что она жива.

– Борис, вы действительно поверили в эту записку? Вы это серьезно?

– В смысле? Что вы хотите этим сказать?

– Меня совсем недавно убеждали в том, что Нина – человек ответственный, что она не могла бы даже сорок восемь часов держать вас в неведении относительно своего местопребывания. И вдруг, получив записку, вы словно сразу забыли об этом и поверили в то, что Нина Бретт бросила вас. И не только вас, но и вообще все! Вы же поняли из записки, что она срывает свои выступления в том же Буэнос-Айресе! Разве такое возможно? Она же не просто певица, она серьезная оперная певица... Для таких, как она, существуют очень строгие правила, не так ли?

– Да, вы все правильно говорите. Но записка написана ее рукой. К тому же она такая, как бы это сказать, легкомысленная, что ли... Такие записки не пишут под давлением. Она не могла принимать душ под дулом пистолета, вы понимаете, о чем я? Вы когда-нибудь слышали, чтобы похитители позволяли своим жертвам заехать в свой загородный дом, спокойно помыться, собраться, да еще и написать такую вот записку? В ее положении с ней обращались бы совершенно иначе. И записка была бы принципиально другая, типа: «Меня похитили. Боря, заплати этим козлам столько, сколько они

просят»... Это грубо говоря. Но чтобы я, воспользовавшись банковской доверенностью, расплачивался с театрами, – это смахивает на бред, вы не находите?

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что моя Нина влюбилась в какого-то негодяя, которому нет дела до ее жизни, который не любит музыку, оперу и которому все равно, что ее имя будут полоскать в прессе... Да что там, с ее карьерой после этого финта будет покончено. Ни один театр не заключит с ней контракт. На Нине Бретт можно будет поставить крест.

– Кто этот, как вы говорите, негодяй? Быть может, вы замечали что-то? Кого-то рядом с ней?

– У нее великое множество поклонников, я уже говорил. И кто именно вскружил ей голову – представления не имею.

– Быть может, Кузнецов? – я осторожно произнес это вырванное мною у красавицы Стеллы имя одного из самых серьезных поклонников Нины Бретт.

– Сергей-то? Да, вот с ним-то я как раз и мог бы себе ее представить, да только Сергей Валерьевич не такой человек, чтобы разрушить жизнь Нины. Он обожает ее, боготворит, возможно даже, он влюблен в нее, и я понимаю его... Но он ценитель музыки, человек высокообразованный, тонкий, умный и серьезный. Я знаю, что они время от времени встречаются, ужинают, допускаю даже, что он помогает ей своими связями и что большинство ее первых гастролей устроил ей именно Кузнецов! Но представить себе, чтобы они приеха-

ли сюда, на дачу, на машине, вдвоем... Он сидит в машине, а она собирается, моется... Бред! И с какой стати ей здесь мыться?

Надо сказать, этот вопрос волновал и меня. Это на первый взгляд может показаться, что ничего особенного в том, что хозяйка, приехав в загородный дом, принимает душ, нет. Но если вдуматься, то возникают вопросы, и много. Почему бы ей, приняв решение оставить Бориса и связать свою жизнь с Кузнецовым, возможно, уже успевшим стать ее любовником, не привести себя в порядок на своей московской квартире? Зачем тащиться в Лопухино?

– Борис, вы не могли бы составить список вещей, которые пропали?

Борис с готовностью принялся за дело, и вот через несколько минут передо мной лежал список, который, мягко говоря, удивил меня.

– Окорок? Ваши джинсы? Пижама Нины? Консервированные персики?

Я перечел записку. «...Прости меня сто тысяч раз. Забираю твою куртку, джинсы. Еще консерв. персики. Не поминай лихом Н.Б.».

– Персики... Зачем ей понадобились все эти вещи, персики? Печенье... Мокасины... У нее в квартире разве нет обуви? Вот скажите мне, Борис, сбегая от вас, зачем бы ей понадобилось появляться здесь?

– Возможно, здесь неподалеку они устроили пикник... Больше ничего в голову не лезет. Проголодались, заехали сюда, Нина взяла то, что считала нужным, приняла душ...

– Быть может, здесь есть сейф?

– Нет, деньги мы храним дома, ну и в банках, конечно... Но не в Лопухине.

Я пометил в своем блокноте: проверить банковские счета.

– Ее машина в гараже, я проверял. Значит, они на его машине.

– В каких вы отношениях с господином Кузнецовым? Вы друзья?

– Не то чтобы друзья, но встречались иногда, пожимали друг другу руки, я уважал его... Нет, говорю же. Это не мог быть он.

– А вы могли бы позвонить ему? Вот так, запросто? – спросил я, поскольку сам-то не смог бы осмелиться позвонить человеку, находящемуся в ближнем круге к президенту.

– Да, мог бы... Но зачем?

– Вариантов развития событий может быть несколько, но два из них – самые вероятные. Первый: Кузнецов оказался тем самым господином, с которым ваша Нина закрутила любовь и с которым куда-то уехала. Прихватив консервированные персики.

– Дались вам эти персики...

– И если это так, то вряд ли он возьмет трубку. Он будет избегать вас, скорее всего, даже заблокирует ваш номер. Ва-

риант второй: он ни при чем, и когда вы позвоните ему, с удовольствием поговорит с вами. Вы объясните ему причину звонка, скажете, что Нина пропала, и он, как человек не равнодушный к ней, постарается в самое ближайшее время встретиться с вами, обо всем подробно расспросить, чтобы в дальнейшем помочь вам в поисках Нины. Если вы говорите, что он боготворит ее голос, если он не равнодушен к ней, то ему будет важно узнать абсолютно все, что касается ее исчезновения. И вы покажете ему письмо...

– Хотите сказать, что и он тоже приревнует Нину к похитителю? Я имею в виду, ее... язык не поворачивается сказать любовнику?

– Несомненно. И он, как человек серьезный, сразу поймет, что с Ниной случилось что-то странное, раз она решила разорвать контракты. И вы будете действовать уже вместе!

– Хорошо, я звоню...

В такие вот минуты мне всегда было стыдно признаваться даже самому себе, что я, должно быть, выбрал такую профессию, да и личную жизнь свою зарубил на самом корню, чтобы избежать подобных трагедий. Я готов помогать людям, не есть и не спать, чтобы только выполнить то, что от меня требуется – найти ли пропавшего человека или преступника, но только при условии, что моя собственная жизнь останется как бы в тени, неприкосновенна, за плотной ширмой безопасности.

Я смотрел на застывшее лицо Бориса в момент, когда он

слушал гудки в трубке, и искренне переживал за него. И чем дольше он ожидал, пока зазвучит в трубке голос потенциального соперника, тем серьезнее была вероятность того, что именно Кузнецов и умыкнул нашу красавицу певицу.

– Его телефон молчит, – пробормотал он растерянно, все еще продолжая прижимать телефон к уху.

В эту минуту в дверях появился Виктор Ухов, мой второй помощник. Я уже научился читать по выражению его лица и понял: результатов ноль! В такой ситуации его взгляд всегда останавливался на мне, он словно каменел, и я понимал, что пока что ничем хорошим он меня порадовать не может.

– Я так понял, что Нину Бретт никто из соседей не видел? – Я решил задать свой вопрос, прояснить для Бориса обстановку.

– Никто ее не видел. Единственное, что мне удалось выяснить, что буквально часа полтора тому назад на соседней улице останавливался красный «Фольксваген», чужой, понимаете? Постоял около часа и уехал. Но ни номеров никто не запомнил, да и человека, который потом на нем уехал, тоже.

– Как выглядел «Фольксваген»? Какая модель?

– Самая старая, не машина, а развалина, судя по описанию. Ни у кого поблизости нет такой машины. И в гости никто к соседям не приезжал.

Так что, вполне возможно, что именно на ней приезжала Нина Бретт, и машину эту они с любовником оставили подальше от дома, чтобы не светиться.

– Старый «Фольксваген»? – горько усмехнулся Борис, и я понял, что он имеет в виду.

– Да уж, мужчина, с которым уехала Нина, мог быть и солиднее, – подтвердил я. И чуть было не добавил известную грубоватую поговорку о любви, что она зла... и так далее. Кто знает, в кого влюбилась Нина, может, в какого-нибудь бедного парня, единственным богатством которого был как раз этот красный «Фольксваген»?

Я дал поручение Виктору заняться Кузнецовым, хотя бы выяснить, где он, в Москве ли. Дома, на службе? Это выяснить было совсем несложно. Виктор сел на свою потрепанную «Мазду» и уехал.

– Ну все, все странно! – между тем восклицал Борис, кружась по дому и находя все новые и новые доказательства, на его взгляд, того, что в доме не так давно произошли какие-то странные вещи. – Не могла же она просто взять и сойти с ума! Она не могла так поступить... И не понимаю, зачем она вообще приезжала сюда. Вы поймите, она женщина вполне состоятельная, и даже если предположить, что она влюбилась в бедного парня или мужчину без средств, то первое, что она сделала бы – это пошла бы в банк и сняла деньги... или через банкомат. Думаю, что это она и сделала...

– ...но с деньгами она могла бы заехать в любой магазин и купить себе одежду, скажем... и эти же несчастные персики! И окорок!

– Борис, предполагаю, что денег-то у нее как раз и не бы-

ло. И снять деньги с карточки в банкомате она тоже по какой-то причине не могла... Возможно, у нее этих самых карт или документов, по которым она могла бы это сделать, просто не было.

– Да? – Он устало присел на диван, опустил голову, словно она стала тяжелее или просто заболела, не в силах осмыслить ситуацию. – Но как это... Куда же они делись, все ее документы?

– Борис, думаю, что Нина все же попала в беду. И что у нее нет денег даже на еду. Поэтому она и взяла окорок и остальные продукты, которые вы назвали... И персики тоже. И ваши джинсы, свитера. Вы правильно рассуждаете, будь у нее деньги, она не стала бы все это забирать. И помылась она здесь потому, что не могла по какой-то причине попасть в свою московскую квартиру. Возможно, у нее просто не было ключей.

– Думаете, ее ограбили?

– Мы будем это выяснять.

– Хорошо, я допускаю это. Но тогда откуда вдруг эта легкомысленная записка?

– Ее заставили ее написать.

– Под дулом пистолета?

– Мне это неизвестно.

– Но это точно ее почерк, и все эти фразы, слова... к примеру: «Прости меня сто тысяч раз» – это точно ее фраза. И никто на свете не знал об этом, только я. И вряд ли ее заста-

вили бы написать так. Смысла нет. Она могла бы просто написать типа «прости, не поминай лихом» и тому подобное. Но я чувствую сердцем, что записку она писала сама, понимаете, са-ма! И что никто ее не заставлял.

– Возможно, она попала в сложную ситуацию и просто не хотела, чтобы это как-то коснулось вас... – Я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы выразить словами то, что я действительно предполагал: – Она специально написала такую вот странную, на ваш взгляд, записку, чтобы специально разозлить вас. Чтобы вы разозлились на нее, понимаете? Другой вопрос, зачем ей это понадобилось. Возможно, чтобы вы меньше страдали.

Он поднял голову и смотрел на меня, пытаюсь, видимо, понять.

– И? Что дальше? К примеру, я разозлился? Что дальше? Если она не появится в ближайшее время, мне придется расплатиться с агентом, выплатить все деньги...

– Думаю, вы не уполномочены это делать. Записка – это еще не повод тратить деньги Нины. Это документ, но все-таки не настолько серьезный, как, скажем, контракт с театром, понимаете меня? К тому же вы пока еще не супруг Нины. Ну и что, что у вас есть банковская доверенность. Послушайте моего совета: не торопитесь тратить ее деньги.

– Да я бы и не собирался! Она вернется к гастролям, я уверен, время еще есть... Она опомнится и вернется. И я ее прощу. Сразу!

Я же, окидывая взглядом дом и пытаюсь представить себе все действия Нины здесь, словно все еще чувствуя ее присутствие, понимал, что с ней стряслась беда. И что эта записка – действительно способ настроить Бориса против себя, разозлить. И не ради того, чтобы вызвать в нем отвращение, это лишь скрытое желание причинить ему как можно меньше боли. Значит, она совершила нечто такое, или же с ней произошло что-то ужасное, опасное, от знания которого Борису будет значительно больнее, нежели от ее измены. Во всяком случае, этот вывод я сделал, лишь составив портрет Нины со слов самого же Бориса и частично Стеллы, ее подруги.

Меня мучил вопрос: почему она проникла в дом тайно? Я узнал от Бориса, что войти в дом можно и без ключей, система тайников с ключами позволяла сделать это. То есть если предположить, что Нину ограбили, что у нее не было ни ключей, ни документов, ни карточек, ни денег, единственное, что она могла сделать, – это попасть в свой загородный дом, чтобы воспользоваться тем, что есть там, вплоть до еды! И ее похитители (или один похититель, какой-нибудь отморозок, увидевший в ней источник живых денег) позволили ей взять кое-что из вещей, помыться здесь, в Лопухине. С другой стороны, какое им дело до Нины, нужен ей душ или нет, голодна она или сыта? Если ее похитили с целью убить, то почему еще не убили, а если с целью получения выкупа, то почему до сих пор не позвонили и не назвали сумму? Не надо быть очень умным или сведущим в музыке, чтобы пони-

мать, что Нина Бретт – женщина, безусловно, богатая. Стало быть, все-таки выкуп?

И вдруг меня осенило!

– Борис! А что, если она напонила вам о банковской доверенности специально для того, чтобы вы в самое ближайшее время опустошили ее счета, чтобы они не достались мошенникам, преступникам?! Что, если ее сейчас везут в банк, чтобы она как раз сняла все свои деньги? Вы знаете ее пароль в интернет-банке? Хотя бы в одном? Вы знаете, где она хранит карточку с сеансовыми ключами?

– Да, знаю, у нее дома, в письменном столе, в папке, которая так и называется «Банк».

– Думаю, что нам следует прямо сейчас отправиться к ней на квартиру и попытаться предотвратить кражу! Вы помните хотя бы ее пароли, чтобы войти в систему?

– Пароли-то я помню, и хоть сейчас смогу узнать, что происходит с ее счетами, а вот сеансовые ключи, конечно, у нее дома...

Мы заперли дом и отправились в Москву. По дороге, воспользовавшись моим ноутбуком, Борис вошел в интернет-систему одного из банков, где хранились деньги Нины, и сообщил нам, мне и Жене Горину, сидевшему за рулем, что все деньги в этом банке на месте.

– Но мы не держим все яйца в одной корзине, – сказал он с горечью в голосе. – Кто знает, какой ее счет сейчас опустошают...

Примерно через полчаса после того как мы покинули Лопухино, отзвонился Витя Ухов. Он сообщил, что господин Кузнецов пропал. Что об этом он узнал, стоило ему набрать его имя в поисковике: интернет буквально взорвался этой новостью! Больше того, в его загородном доме обнаружен труп неизвестной женщины.

– Нина... – прошептал Борис и тихонько завыл.

– Борис, дорогой, возьмите себя в руки. Подумайте хорошенько, разве Нину Бретт можно назвать неизвестной женщиной? Да ее вся страна знает в лицо! К тому же вы же сами только что пришли к выводу, что она была там, в Лопухине, буквально недавно! Трубы теплые, она пользовалась душем, полотенца мокрые... И записка написана ее рукой!

Я написал сообщение Саше Сержантову (вслух обращаться к нему по телефону не мог, боялся травмировать сидящего рядом со мной Бориса Равенкова), в котором просил узнать у своих друзей, оперов из убойного отдела, все, что касалось Кузнецова и обнаруженного в его доме трупа женщины.

Чувствовало сердце, что мой клиент еще не скоро увидит свою невесту.

Завтракать без свежего хлеба было сложновато. Обнаружив работающий холодильник, правда, совершенно пустой, я сложила туда привезенные мною продукты, больше всего переживая за сыр и окорок. Переживать за остальное теперь уже не имело никакого смысла. Надо было просто все забыть. Чтобы не свихнуться.

События последних часов моей жизни, мое присутствие здесь, визит молодого человека с букетом роз, включенный холодильник и множество других деталей и фактов, включая документы на имя Ольги Блюминой, указывали на то, что она могла вернуться сюда в любую минуту. Ее здесь ждали, и эти цветы предназначались ей. Если бы я не видела паспорт, то могла бы предположить, что у нее сегодня день рождения. Но нет, она родилась в январе. Сейчас же был сентябрь.

Я не могла оставить розы умирать на крыльце. Открыв дверь и вдохнув свежий утренний воздух, я забрала цветы и поставила их в вазу. Улыбнулась, чтобы не заплакать.

Надо было действовать. И поход в сельский магазин за хлебом должен был быть моим первым шагом. Я понимала, что мое появление вызовет реакцию у местных жителей. И я должна была подготовиться к ней. Быть готовой ответить на некоторые простые и вместе с тем важные для них вопросы: кто я такая, почему живу в доме Блюминой и кем ей прихо-

жусь? Назваться родственницей, сестрой – опасно. Если она местная (в чем я почему-то сильно сомневалась, уж слишком высокие были каблуки ее туфель!) или даже жила здесь какое-то время, за которое успела более-менее обустроиться в доме, то наверняка с кем-то подружилась, а это значит – рассказала что-то о себе. К примеру, что она одна у родителей. И тут вдруг – сестра-самозванка! Значит, представляюсь ее близкой подругой. Вот только бы выяснить, откуда я взялась? Из какого слоя ее жизни? Детства, школы, учебы?

Я снова открыла паспорт. И как это я раньше не заметила? Она из Подольска! Почти землячка. Час езды на машине от моего дома. И что, интересно, она делала в этой забытой богом деревне? Что ее сюда привело? Будь у нее все благополучно в своем Подольске, вряд ли она в своих кремовых туфельках отправилась в Синее Болото.

Вот и тема отвлечься мне от своих тяжелых мыслей!

Хорошо, я приду сейчас в магазин (найти бы еще его), кого-нибудь из жителей непременно встречу, и они прямо спросят меня, кто я такая. Что ответить? Промолчать? Стоит ли настраивать вот так сразу простых людей против себя? Кто знает, может, они окажутся хорошими людьми. Помогут мне? Скажу, что близкая подруга Оли Блюминой. А дальше как уж получится. Сама засыплю их вопросами...

В Бориных джинсах, которые сидели на мне, как синий потертый мешок, свитере и кроссовках я вышла из дома. Со стороны соседнего двора тянулось синее прозрачное облач-

ко дыма, точно жгли сухую листву. Значит, мне вчера не показалось.

Я вышла на улицу, прикрыв за собой калитку, и двинулась по дороге в поисках магазина. Я нашла его на соседней улице, в ряду деревянных домишек, которые тонули в сизой дымке и казались словно нежилыми, настолько были старые, по большей части некрашенные. Магазин представлял собой небольшое кирпичное строение с покосившейся голубой вывеской «Магазин». Рядом с ним в тени огромного дуба стояло еще одно похожее на магазин здание, на котором была такая же вывеска, но с другим названием – «Библиотека». В магазине жители этой маленькой полуживой деревни покупали самое необходимое, в библиотеке, вероятно, проходили собрания, свадьбы, а то и поминки. Понятное дело, что не было здесь ни фабрики, ни фермы, ничего такого, что подсказало бы мне, чем зарабатывают на жизнь местные жители. Тогда чем же они живут? Может, все жители – пенсионеры, живущие на жалкую пенсию? Держат курочек, коз, выращивают на своих огородах овощи? А что здесь буду делать я? Мне же тоже надо будет каким-то образом зарабатывать себе на хлеб! Я должна вести себя естественно, так, как будто бы у меня нет денег и мне надо найти работу.

Я поднялась на каменное крыльцо, открыла тяжелую металлическую дверь и вошла в магазин. В лицо сразу ударил запах свежее испеченного хлеба. Но главное, здесь были люди. Человек семь! И все они стояли в очереди за хлебом, про-

дуктами. Магазин был поделен на две части, в одной продавали продукты, в другой все остальное: бытовую химию, косметiku, посуду, текстиль, обувь, ведра, инструменты. Даже велосипеды.

Женщины все были разного возраста, и среди них я заметила внимательно разглядывающую меня кареглазую девушку с копной смолых кудрей. Я встала в самый конец очереди и сделала вид, что меня не интересуют эти люди, принялась рассматривать полки с продуктами. Прикинула, что мне нужно купить на первое время. Конечно, чай и кофе, сахар, соль, масло...

– Вы кто? – Я обернулась и увидела черноглазую девушку совсем близко от себя.

– Мила, – сказала я, не моргнув глазом.

– Вы к кому приехали?

– Ни к кому.

– Я знаю, вы поселились в «блюминском» доме. Вас там видели сегодня утром, – она говорила мне на ухо шепотом. – Зря вы это.

– Что зря?

– Вы покупайте, что вам нужно, я вас под дубом подожду.

Сказала и вернулась на свое место, ее очередь уже подходила.

За прилавком стояла рыжеватая полная молодая женщина в красной кофте. Она почти без слов понимала своих покупателей. Видимо, выучила уже, кому что нужно. Несмотря на

то что все женщины, стоявшие в очереди, выглядели очень скромно, покупали они далеко не все необходимое. Кроме хлеба и масла, в свои авоськи складывали они и копченую рыбу, и печенье, и шоколад, и банки с дорогим кофе. Нет, они явно не бедствовали. И свои покупки совершали спокойно, как если бы делали это не один раз в неделю, скажем, когда открывался магазин, а постоянно. В глубине магазина, за спиной продавщицы стояла холодильная витрина, откуда доставались пластиковые бутылки с явно домашним молоком (коровьим ли, козьим, непонятно), пакетики с творогом и овальными кусками желтого масла, картонки с коричневыми яйцами. Значит, где-то поблизости все же есть фермерское хозяйство, подумала я.

Я тоже решила купить себе фермерских деликатесов.

– Здравствуйте. – Я улыбнулась на всякий случай продавщице, и была приятно удивлена, когда мне улыбнулись в ответ.

– Здрассте, – расплылась в улыбке женщина. – Вы кто будете-то? Из Москвы?

Меня как жаром окатило. Откуда она знает? Неужели узнала меня? Это невозможно!

– Нет, я не из Москвы... – пробормотала я.

– Ну и ладно. Вам хлеба? Все приезжие наш хлеб покупают, у нас же своя пекарня! Вы у кого остановились?

Я неопределенно пожала плечами.

– Сколько вам хлеба – пять, шесть?

– Мне один хлеб, творог...

Я купила молочных продуктов, кофе, чаю. Вышла из магазина, чувствуя на себе пристальные взгляды молчаливых женщин. Слава богу, больше меня никто ни о чем не спросил.

Черноглазая девушка поджидала меня под дубом. На ней были джинсы, сидящие на ней не лучше моих, хотя она была высокой и стройной. Черная кофта была явно великовата. Лицо красивое, матовое, с румянцем. Глаза умные, внимательные.

Она протянула мне руку:

– Анфиса.

– Очень приятно.

– А мы вас ждали, – сказала она, и снова мне стало не по себе.

– Меня? Вы уверены?

– Вы же к Оле приехали.

– Ну да...

– Пойдемте. По дороге поговорим.

Она взяла у меня один из тяжелых пакетов, и мы двинулись с ней по улице.

– С ней все хорошо?

– Я не знаю. У вас хотела спросить.

Она остановилась, развернулась ко мне, и глаза ее наполнились слезами.

– Так, значит, вы не видели ее. И как долго? Тоже год?

– Ну да... Я ее подруга, приехала сюда, она мне адрес дала...

– Так, значит, вы ничего не знаете?

– А что? Я приехала вчера, плутала ночью, пока не нашла ее дом... Захожу – никого нет. Дверь открыта!

– Это Антон. Господи, значит, и вы тоже ничего не знаете. А я-то обрадовалась! Думала, хоть вы нам об Оле расскажете!

Она явно не спешила рассказывать мне об Оле, решила отложить свой рассказ, пока не придем домой.

– Проходите, – осмелилась я пригласить ее к себе, как если бы это действительно был мой дом. – Вы пугаете меня. Сейчас вот только чайник вскипачу. Вы, Анфиса, садитесь, пожалуйста, за стол.

Она уверенно села спиной к окну.

– Всегда сидела здесь, когда Оля была... Мое место. Как, говорите, вас зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.